

10 JUIN 1935. **LES COSAQUES LIBRES** VIII[e] ANNEE

176

10 ИЮНЯ 1935 г. 10 ЧЕРВНЯ 1935 р.

ПАРИЖ **PARIS**

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ю. Пигон

Содержание:

1. **Петр Крюков:** Три шляха с Дона.
2. **К. Поляков:** Спите, Герои!...
3. **Ив. Назаров:** ***
4. **И. К. Скубани:** ***

---

5. В К Круг в Германии.
6. **Николай Посохов:** Двойственность казачьей мысли.
7. Трагедия Казачества.
8. **А. Ленивов:** Расправа с Уральскими казаками в 1874 - 1883 г. г.
9. Думы и мысли.
10. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик

Чехия. С. П. Поступайте, как подскажет Вам совесть. На такой же вопрос, какой задаете Вы мне, очень хорошо ответил четыре года тому назад один теперешний «оппозиционер», демократизм которого Вас «смущает». Дело было так. Не раз между мною и покойным Ф. К. Воропиновым или между ним же и г. С. Балыковым происходили споры «об организационных принципах». После одного из таких разговоров г. С. Балыков написал мне «утешительную» записку, из которой привожу следующее место:

«Что Воропинов не согласен с моим мнением об организац. путях ВК, нам давно известно. Споры по этому вопросу у нас были с ним не однажды. Он одержим соц. - демокр. бреднями, далек от реальных путей и не хочет знать разницы в вопросах госуд. устройства постоян. мирного характера и о требованиях работы в эмиграции. Если ему «под силу созвать 20 - 30 делегатов», учредить центр, найти средства и работать, то дай Бог удачи. Нам это нельзя... Если бы мы стали на Воропиновский путь, это значило бы...остаться только при демократических принципах с пустыми руками...

Вообще все это — их протесты — ерунда, не нужно переживать. Не «новую старшину», как говорит Воропинов, а крепко спаянную, одинаково политически и организационно мыслящую группу людей нам надо сбивать, сколачивать. **Если что сделаем, то история нас не обвинит, что сделано было не демократическими методами.** С. Б.».

— Все ясно и понятно. Привет.

Болгария. М. Т. Журнал В. Ч. будет посылаться. Об'яснение к восстанию присылайте.

Не верьте никаким брехунам. А кто говорит, что «Билый был записан в союз возвращения», тот или негодяй или большевицкий агент, преследующий цели, указанные пославшими его. Всегда, когда будут говорить подобные вещи, сейчас же спрашивайте, где и когда это было? — и ложь (а может быть и провокация) сейчас же обнаружится... Обратите внимание на то, что теперь каждый день — новая ложь. — Пусть люди забавляются. Привет.

Ромэн ля Вири. Г. Е. Исполнено. Привет.
Италия. Н. П. Получено. Хорошо. Подробный ответ — письмом. Привет.
Ламур. Л. П. Исполнено. Привет.
Меленци. Я. М. Послано. Привет.
Канада. С. Л. Посылаем. Привет.
Голливуд. В. М. Исполнено. Привет.
Ганновер. П. Л. Хорошо. Привет.
Бухарест. С. М. Все послано. Привет.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья честь

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 176 *Понедельник 10 июня 1935. — Понидiлок 10 червня 1935.* № 176

Петр Крюков

Три шляха с Дона

(П о э м а).

Часть первая

Потоки ливня, пав на землю,
Разбились в мелкие ручьи.
Я их журчаньям чутко внемлю:
Как, где, куда они текли –
И постепенно как сливались
Они в протоки и потом
Рекой могучей разливались,
Шепча нам сказы о былом ..

1.

В станице небольшой, над шумною рекою
Жила семья безбедных казаков:
Вдовец-старик с дочуркою своею
И двое сыновей — удалых молодцов.
Безбедно жили, все же — небогато:
Достаток был, водился лишний грош:
Курень простой казачий — не палаты:
Носили чирики — не ведали галош.
Старик Гаврил Семеныч Полуянов ..
Для лет своих (почти под шестьдесят!)
Был моложав, силен .. он молодых баранов
Рубил клинком на-двое как кутят.
В отца пошли и дети. Дочь Нюратка
Своей красой, работой, удальством
На юрт весь славилась. Гутарили: «Нюратка!
Не девкой тебе-б быть — удалым казаком!»
Смеялась лишь в ответ, качая головою:
— «Казачка — я! Казачеством горжусь!
А выйду замуж — волею своею
Я мужу-казаку охотно подчинюсь!..»
...Артиллерист гвардейской батареи
Был старший сын Семеныча — Данил:
Умен, сметлив, да не сумев гнуть шеи
На службе, на войне — наград не заслужил.
...Убег, пострел, на фронт, реальное не кончив,
Меньшой сынок — любимец всех — Степан
И вахмистром пришел он, воевать окончив,
В отцовский дом, но... уж не тот Степан,
Которого сестра (вторая по рожденью)
Ласкала, баловала или старик Гаврил
За дерзкие ухватки (часто к воскресенью)
Грозил отдуть...
Не тот Степан, что был!...

2.

В тиши станицы, отдаленной
От всех культурных уголков,
Событья чередой внезапной
Вдруг всполошили казаков:
— «В Черкасском выстрел Атаманский
Прогрянул... Рокот грома, гул
Над Доном катится... Германский
Народ «Рассеюшку» согнул...
Над Доном Русь быть хочет паном...
Устав три года воевать,
Фронтовики не с Атаманом:
Он застрелился... Расстрелять
Ревтрибунал велел бессудно
Донской Республики вождя...
Над Доном царствует паскудно
Теперь сонм пришлого хамья»...

И с каждым днем все боле, боле
Сполох тревожил казаков:
— «Наш Дон!... Наш вольный Дон в неволе?..
А ну-ка! К черту — русаков!..»
...И взволновался Тихий Дон:
— «За око — око! Зуб — за зуб!...
С Украйны движется тевтон —
Он друг нам! Русских всех — на дуб!»
...Весна осьмнадцатого года.
У Полупановых в семье
Росла все время непогода
И... грянул гром! — Гром по весне!

. . . . . .

— «Лишь царь великий всей России
Нас, казаков, предохранит;
Все остальные — лжемессии:
Не подставляйте им ланит!»
Сверкая взором, кончил старый
В кругу семейном говорить.
Поднялся старший сын удалый:
— «Так под царем нам вольным жить?
Ну, нет, отец! Хотишь к царю, —
Ступай! Служи!... Нам надо воли!
Тебе свободу я даю
По смерть в холуйской жить неволе.
Советов власть нам волю даст:
За ней иду я к счастью Дона.
При жизни поживу я всласть, —
Мы будем вольны в гранях Дона!
Я холуем у офицеров
Впредь больше быть уж не хочу!
Панов, всех этих изуверов —
На смерть всех! К черту! К палачу!..»
Нюратка молча встала с места;
Замолк гвардеец, взяв стакан.
— «Не мне гутарить! — мне не место!
Пусть скажет слово наш Степан!..»
...В погонах вахмистра, медали,
Кресты сияют на груди...
— «Так что-ж? — Рассейской этой гали
Преклоним головы свои?
Заполнить «русским духом» землю
Издревле вольных казаков?
Твоим царям, отец, не внемлю!
Не нужно, брат, твоих оков!
Я слушал вас, теперь: довольно!
Тума вы Родине своей!
Не важно, — вольно иль невольно —
Вы предаете Дон родной!
Так знайте вы: Руси награды
Ничто не стоят для меня!
Возьмите их!» — и без пощады
Сорвал Степан с груди, с плеча
Все атрибуты русской «славы»
И бросил их в лицо отцу
И брату: «Дон родной без славы
Вы сдали в рабство палачу!
И не отец ты мне отныне,
Отец мой — вольный Тихий Дон!
Нет брата для меня в помине —
Мне братья все, кто любит Дон!
Прощайте! Вы чужие стали
Для Дона, так и для меня!» —
И хлопнул дверью... простучали
Копыта доброго коня...

3.

«На заре было на утренней,
На восходе солнца красного:
Прогремела с Дона батарейушка;
Батареюшка казачья,
Казачья, с Дона Тихого»...
Так пел на зорьке Полупанов
Старик, седлаючи коня.
Он думал ехать на Буканов
И дальше: биться за царя.
Где есть войска с орлом двуглавым,
Про то не ведал сам Гаврил,
Но думал: есть!... Так к русским славам
Он свое сердце прикрепил.
Слыхал, что где-то, в Себрякове
Или в Урюпинской был бой
И много русских «спиуташек»
На век расстались с головой.
Но кто их бил: «свои» иль «наши»
(Московцы или казаки) —
Не знал Гаврил: «должно-быть наши;
Ведь за царя — лишь казаки!...»
Винтовка, шашка, пика блещет,
В фуражке форменной старик.
Он перед смертью не трепещет,
Но... что-то... головой поник.
Какие думы мозг буравят?
Какие планы иль мечты?
Никто быть может не узнает
Рой дум Гаврилы сироты.
И в самом деле! — Ведь подумать:
Был дом, семья, уют, спокой
И вдруг... как пух какой раздунут:
К чертям! — на старость сиротой.
И есть семья и нет семьи:
Проклял сынов и... дочь сбежала.
Уехал днем лихой Степан,
Нюратка ночью ускакала.
Куда? Зачем? К кому?... — «Хоть к черту!»
Старик сквозь зубы пробурчал:
— «Ко мне им нет уже возврату!
Чтоб я, отец, им потакал?
Ну, нет! — дуришь!» и плетью сильно
Коня лихого подбодрил
И Астраханским шляхом пыльным
Гаврил на север запылил.

4.

— «Проклял? Ну, леший старый, — помни!
Небось придется повстречать:
Задам тебе обед да полдни!
Ишь! за царя, черт, воевать!...
Иди! Воюй! Да оглядайся:
Ской много вас, царевых слуг?
Да дюже там не задавайся,
А то... не хватит на упруг!»
Данило едет на Лихую,
А там к Черкасску, говорят,
Подходит Голубов. Такую

Он рать ведет; что всех царят
И их всех слуг, и генералов
И иже с ними — всех панов —
Смахнет всех враз и комисаров
Настанет власть у казаков.
— «За власть советов, за свободу,
За братство, равенство, союз —
Родному бате дам я в морду:
Проклятья вовсе не боюсь!
Прошло то время, что стращали
Проклятьем нас или грехом:
В войне германской мы узнали,
Что это все ведь ни почем!
Все бабьи сказки! Брешут люди —
Паны, да батюшки-попы:
На небе — царь, рабы — все люди;
В Москве есть царь, мы все — рабы.
Да что за черт? Иль я — сын Божий,
Иль я — холуй, слуга, холоп?
Иль хуже пана своей рожей? —
Он может больше остолоп!..»
Так вслух с собою рассуждая,
Тихонько путь держал Данил;
Отца в проступках упрекая,
Он многих также не забыл.

5.

— «Стой! Кто идет?» — «Свои!» — «Что
пропуск?»
— «Да свой!.. казак!» — «Куда? Зачем?»
— «В отряд иду.» — «А завтра в отпуск?»
— «В какой там отпуск? Незачем!»
Два добровольца, наготове
Держа винтовки, подошли
К Гавриле. — «Ты один? Не боле?»
— «Один.» И кучей все пошли
К садам, что около чернели.
Один повел Гаврилу в штаб.
Там с удивленьем посмотрели:
— «Казак?» — «Так точно!» — «Что-ж,
от лап
Народной власти убегаешь?»
— «Присягу дал царю служить.»
— «А как республику: признаешь?»
— «Никак нет! Мне ей не служить!»
Дежурный офицер поднялся,
В другую комнату вошел,
Там с кем-то тихо пошептался,
Потом с полковником вошел.
— «Здоров, старик!» — «Здравья желаю,
Ваш-соко-бродь!» — «Что-ж? воевать
Пришел за Русь, царя?... Я знаю!
Что-ж? — Запишите его в часть...
Служи, старик!.. Сынов имеешь?»
— «Имел... проклял...» — «А! Молодец!
Знать и детей ты не жалеешь
Для блага родины, отец?..
Ну, хорошо! Ступай-ка в третий
Взвод эскадрона ты, старик.
Там командиром князь Треплетий;
Не командир, а просто — шик!..»

6.

— «Желаю здравия!» — «Здорово!»
— «А командир, товарищ, где?»
— «А командира-то какого?
Коль полкового, — вон: в избе!»
Легко на землю соскочивши,
Чумбур к раине привязал
И пыль с фуражки отряхнувши —
Данил в дверь дома постучал.
— «Рискни!» Вошел и... был готов
Назад вернуться: за столом
Сидел хорунжий Дураков,
Что бил Данилу кулаком
За «нарушенье дисциплины» —
Честь, не заметив, не отдал.
Не изменилися картины,
Как наш Данило ожидал.
— «А! Полупанов! Спирт пить будешь?
Налей, комсот, ему стакан!
Теперь советам ты послужишь...
Ну, пей!.. А я... давно уж... пьян!..»
Не лгал комполк: он беспросыпно
Казачью совесть заливал
И каждый день меняя «цыпу»,
Тайком грустил и тосковал.
Его родитель застрелился,
Узнав, что сын пошел с «сипой»;
Невеста бросила... Озлился
На всех хорунжий молодой.
Он рвался к Воле, счастью Дона,
Мечтал о «царстве казаков»
И вот... теперь... он... против Дона!..
Запил хорунжий Дураков...
— «На утро завтра в бой готовься:
Пойдем буржуям морду бить!
Ну, пей! Какого черта жмешься?
Коли казак, так должен пить!»

7.

— «Тара-та-там!..» Сигнал тревожный
Спешит, летит, сзывая полк.
— «Куда? Бежишь? Ах, черт острожный!
Бросать своих?..» Нагайка — щелк!
Комполк с коня огрел нагайкой
Труса комбрига — москвича.
— «Вы, ...вашу мать, лишь с балалайкой
Годитесь!...» Сызнова — с плеча!
— «Вперед, станичники! Не бойся!
У белых тоже русаки!
Полк на намете в лаву стройся!
На слом!.. За мною, казаки!!»
Пригнулись ловкие фигуры,
Припали к гривам лошадей;
Мелькают быстро кучугуры...
Блеснул сноп шашечных лучей.
— «Ги-ги-и!..» Земля и воздух стонут
От гика, топота копыт.
Немного белых... горсть! Вот — дрогнут! —
И Марс от крови будет сыт...
...Глаза прищуря, шашку стиснув,
На строевом коне летит
Данило. Вот сверкнул и свистнул
Клинок и белый уж лежит.
Из-за бугра вдруг выезжает
Во фланг «червонным» казакам
Отрядец конницы; сметает
Отдельных всадников уж там.

Чуть-чуть «червонцы» задержались.
А взгляды всех так даль и жгут:
«С кем в этой битве повстречались?
Уж не свои-ли там идут?..»
Комполк, прищурясь, смотрит тоже:
— «Ну, нет! «Сипа» одна бежит.
Но... что за черт? — Вон там, похоже,
Как будто наш казак летит...»
...В мундире старом Атаманском
С седой роскошной бородой,
Один в отряде русском панском —
Гаврила шел на смертный бой.
В руке могучей блещет пика;
Вот ближе... ближе... — «Сукин сын!
Спроти отца? А ну! иди-ка! —
Коль жизнь тебе один алтын.»
Данило, бледный, вынул шашку,
Толкнул коня и поскакал
К отцу; гвардейскую фуражку
Вдруг ветерок степной сорвал.
Нахмурив брови, словно тучи,
На бой сходились сын с отцом.
Сошлись и... молнией летучей
Сверкнула шашка над копьем.
Гаврил Семеныч, улыбаясь,
Легко удар клинка отбил;
Рукою левой, усмехаясь,
За чуб Данилу ухватил,
Потряс чувствительно и резко
— «Ступай». — промолвил сыну он.
— «С отцом-то драться лезешь дерзко.
Да не умеешь ты, далдон!»
И повернул коня спокойно.
Данил растерянно стоял;
«Червонцы» тоже. Преспокойно
Отрядец белых отступал.

8.

Дни шли за днями. Проходили
Чредою медленной года.
Казачьи степи все покрыли
Могилы; кровь лилась руда.
Гаврил Семеныч не сдавался,
Но взор все делался мрачней.
Себе старик не сознавался,
Что не для Дона путь царей.
Служа у русских, он увидел:
Расстрел, глумленье и грабеж.
— «Знать Бог умом меня обидел:
Не нужен нам такой правеж.»
Но все надеялся: а может
Наладят жизнь и казакам
Вернут спокой. Но душу гложет:
«Опасно верить русакам.»
Коварство, ложь — в словах, приказах
Старик увидел и понял.
А на Дону, слыхать, в наказах
Круг Дон от русских отделял.
— «Кто прав?.. Неуж-то уж Данило?
Нет! Видел я к чему идет
Советов власть. Понасулила
До черта благ, да не дает!
А если даст, так только русским.
А казакам лишь под нос шиш.
Нет! Мы таких к себе не пустим!
Не прав, Данило, ты!... Дуришь!
Степан?! Пропал, как в воду канул.
Быть может... где-нибудь... убит...
Как гром, тогда он... дома... грянул...
Да! Кровь казацкая кипит!..
Но где-ж Нюратка?.. Вот так баба!
Не девка бой! Куда ушла?
Не захотела, знать, разлада —
Ушла тайком. А не нашла
Она случайно и Степана?..
Быть может вместе?.. Боже мой!
Когда-б кто знал: какая рана
В душе измученной моей!..»

9.

В Ростове пал, сраженный подло
Убийцей русским Рябовол.
В отряде все грозились гордо:
— «Всех самостийников — на кол!»
Молчал Гаврил и все мрачнее,
Угрюмей делался. Слыхал
Не раз уж это он. — «Подлее
Сипы на свете нет!.. Кагал!»
Так думал он: терпел, вздыхая
И не решаясь осознать,
Что Русь с царем или иная
Для казаков совсем не мать.
Терпел!.....
.....Ноябрь. Разгром Кубани.
Повис Кулабухов казак...
— «Нет! Послужил я этой рвани
Довольно! Знаю их, собак!»
И ночью в дождь он из отряда
Ушел тайком на Дон — к своим,
В родимый край, где все отрада,
Где все он мог назвать своим...

10.

Данило больше не встречался
Ни с кем из братьев-казаков:
На север дальний он помчался
Лишь русских бить, не казаков.
Уйти из стана русских красных
К своим Данило не хотел, —
Он в своих планах пылких, страстных
Для Дона Воли лишь хотел.
И верил в то, что комиссары
Дадут свободу казакам;
Те посулили благ амбары:
Данило верил хитрецам.
Он не щадил в боях горячих
Ни личной жизни, ни чужой;
Скорбел о чаяньях казачьих:
Любил Данило Край Родной.
Он вспоминал не раз про битву
С родным отцом и, сам стыдясь,
Творил короткую молитву
За всех родных, но не крестясь.
Хотел-бы видеть он Степана
И по-душам поговорить:

В душе его таилась рана —
Он думал брату ее вскрыть.
Он много странностей заметил
В распоряженьях совластей.
Все сходства с прошлым поотметил,
Но... с Русью шел: все верил ей.
Бои на севере стихали:
Ушли разбитые паны.
В отряд Данилин вдруг прислали
Приказ: на новый фронт войны —
Под Польшу!... Спешно погрузились
В вагоны. Тронулись на юг.
Без сожаленья распростились
Донцы с страной мятелей, вьюг...

(Продолженіе следует)

К. Поляков

Спите, Герои!..

Будто над степью под самою тучей
Красные ходят полки.
А под землею покатом могучим
Сном вечным спят казаки.
Спите, закрывшие очи навеки,
Реки все также текут...
Наши степные лазурные реки
Солнца палящего ждут.
И, под лучами свободу несущими,
Сломят оковы тяжелые льдов,
Волнами сильными, волнами бьющими
Бросятся в степь из своих берегов...
Прицлые толпы безликие смоют
С шляхов степных и казачьих юртов,
Землю уставшую чистой напоют
Влагой привольных родных берегов.
Спите, герои, над Родиной вашей
Скоро не будет уж пут...
Живые, кто любит отчизну степную,
Живые те путы сорвут.
Спите, навеки закрывшие очи,
Скоро наступит конец этой ночи:
Живые свободу несут...
И над святыми могилами вашими
Неугасимое пламя зажгут.

25-3-35.

Ив. Назаров

***

Не то страшит, что ток борьбы опасной
Нас изотрет под грозным колесом
И мы погибнем гордо, но напрасно,
Предательски сраженные врагом.
Не то страшит, что ни родимым родом
Не будем поняты, ни позднею молвой
И порастут, забытые народом,
Могилы наши сорною травой...
Но страшно то, что с вражеским засильем
Померкнет дух народа моего,
Замолкнет зов, дающий силу крыльям,
Порыв и гнев уснут в груди его
И будет он закован красной сталью
Как раб глумящихся над правдою владык,
Замолкнет гнев, приниженный печалью,
Из уст не вырвется зовущий к бою крик
И будет он не гордый и могучий,
Каким он был от древности вовек —
Как резвый бег коней его летучих,
Как глубина его родимых рек...
Но будет кроток он... Ни быль его походов,
Ни слава старая, ни Воля прежних дней
Не будут возжигать сердца его детей
И навсегда потухнет средь народов
Красивая звезда степных богатырей.

И. К. Скубани

***

Посвящаю И. А. Билому

В небе темном горя, слава вольных дедов
Свет струит на казачью дорогу —
И бесстрашно идут легионы бойцов,
Не теряя равнения, — в ногу.
Ничего, что одни умерли, а других
Ждут кошмары сражений суровых, —
Им на помощь идет много сил молодых,
За Казачество биться готовых.
Так на берег морской шумно волны спешат,
Клокоча серебристою пеной,
И нависший утес непрерывно дробят,
Разбиваяся смена за сменой.
Так на арфе струна оборвется порой,
Но артист не смущается, гордый,
Он исправит разрыв и над стихшей толпой
Зарокочут волшебно аккорды.

Февраль 1935.

Чтобы достичь своей цели, Казачество должно усвоить, что эта цель у него только одна и для ее достижения тоже нужны:

единая программа,

единая политика

и единое возглавление.

ВК Круг в Германии

26 мая в Ганновере, при Вольноказачьей станице Ермаковой состоялся первый в Германии Вольноказачий Круг.

На повестке дня стояли вопросы, связанные с программой дальнейшей деятельности Вольноказачьего освообдительного движения, и выборы возглавления этого движения.

Открывая Круг, атаман Ганноверской станицы хор. **П. Лосев** обратился к участникам Круга с горячим призывом самым серьезным образом отнестись к работам Круга начинающего собою новую эпоху в жизни вольных казаков. От нашей вдумчивости, понимания обсуждаемых вопросов и правильного разрешения их, зависит все наше будущее.

Останавливаясь на пройденных уже этапах Вольноказачьего освободительного движения, П. Лосев с глубоким волнением напоминает о той роли, какую сыграл журнал «Вольное Казачество — Вільне Козацтво», будирующий уснувшее казачье сознание и указывающий казакам пути к правильному разрешению своего государственного бытия. Будущее Казачества в руках самих же казаков. Как мы все будем работать, к какому разрешению всех наших дел приведут наши суждения, как будем в дальнейшем проводить те начинания, которые будут намечены Вольноказачьей массой и указаны избранным нашей же лавой, так и сложится вся наша будущая жизнь, это будет наше решение и потому впредь не придется искать виновных в наших возможных неудачах, мы все будем или виноваты, или правы.

Вот, чувствуя за собою всю тяжесть ответственности, мы и должны самым серьезным образом приступить к сегодняшней нашей работе. У кого из нас не обливается кровью сердце при одной только мысли о той жизни, которую ведут наши братья там, страдающие под игом пришлых людей, взявших в свои руки власть и смелость распоряжаться нашей жизнью на наших же землях...

Мы обязаны как можно теснее сплотиться вокруг нашего Центра и всеми силами и мерами помогать ему в его тяжелой, но высоко патриотичной и благородной работе. Чем дружнее мы будем держаться на местах, тем легче будет нашему Центру, он будет чувствовать, что за его спиною стоит вся казачья лава, что по любому призыву в час необходимости она встанет на защиту своих руководителей и, как раньше не бывало выдачи с Дона, так и сейчас выдачи у Вольного Казачества быть не можем. Мы должны дать друг перед другом слово, поклясться своей казачьей честью, всегда и всюду быть честными борцами за свои идеалы и неукоснительно следовать по пути, указываемому нам нашими руководителями. В нашем сплочении, в нашем горячем стремлении освободиться от непрошенных опекунов, наша казачья сила и в деле борьбы за Родину, за наши Казачьи земли и за нашу правду, мы должны выставить на фронт освободительного нашего движения все запасы этой нашей силы...

Да поможет же нам Бог не растерять зря этой силы и направить ее по тому пути, который ведет нас к нашей конечной цели, к нашему Казачьему, независимому Государству — **Казакии!**

Слава Вольному Казачеству! Слава Казакии!

Сбор подхватывает последние слова атамана.

Затем атаман оглашает приветствие, присланное Кругу инж. И. А. Билым.

Слово предоставляется дальше представителю журнала «В. К.» в Германии, **Г. А. Козловскому,** который говорит следующее:

Станичники! Я обращаю сегодня ваше внимание на необходимость как можно серьезнее и внимательнее отнестись к настоящей нашей работе. Сегодняшний день является для нас, вольных казаков в Германии, экзаменом на зрелость. От хода работ сегодняшнего дня и решения обсуждаемых по повестке дня вопросов, зависит очень многое, наши работы будут приобщены к общим трудам вольных казаков других стран и по ним будет решаться судьба дальнейшей работы и планов на будущее. Сегодня мы должны изобразить собою участников Большого Вольноказачьего Круга, который не мог быть созваным так, как это предполагалось.

Вероятно каждый из нас, здесь присутствующих, за долгие годы существования нашего журнала, усвоил себе понятие о наших целях и задачах. Оне так просты, так понятны нам, что повторяться о них не приходится.

Перед нами стоит сейчас важная задача. Мы должны общими силами приступить к выработке программы нашей деятельности впереди, кстати замечу, труд этот чрезвычайно тяжелый, если принять во внимание наше исключительное положение за рубежом. Тем не менее, на то мы и казаки, чтобы умели приспосабливаться ко всяким случайностям, а для благополучия и отвоевания своих земель, своих прав и своей воли, мы обязаны отдать все свои силы и все свое время. Наше будущее, наша свобода и наши права, в наших собственных руках и от нас зависит наше собственное будущее.

Я хочу подчеркнуть вам один факт, который каждый из нас знает, но в житейской суете он проходил просто незамеченным. С момента появления нашего земного шара, куда бы ни попали казаки, там немедленно возникали группы, станицы, хутора. Наконец появился наш родной, всем нам желательный журнал «Вольное Казачество — Вільне Козацтво», мы его приняли с душевным трепетом, он первый заговорил с нами нашим казачьим языком, он первый явился связующим звеном среди казачьей массы, россыпанной по всему свету.

Шли годы. С большим нетерпением ожидали казаки на местах получение очередного номера. Безразличность к политике заменилась пламенным патриотизмом; благодаря этому журналу казаки нашли себя. Они поняли, что только своими собственными силами можно стать на собственные ноги... Казачья масса начала гуртоваться вокруг своего журнала, который стал центром Вольноказачьего движения. Но этим ограничивалась долго вся деятельность вольных казаков на местах. В процессе нашей жизни за рубежом казачество организовало именно **жизнь,** в первую очередь устраиваясь лично, собираясь поговорить и посоветоваться о своих делах, но фактически не принимало участия в организации **борьбы** за свое национальное дело.

В таком порядке проходили годы. Мы, казаки, привыкли к широкому народоправству, мы врожденные демократы. И, быть может, в иных условиях, уже там, на Родине, эти наши старые принципы имели бы право бытия и применялись бы с большим успехом. Но в политической борьбе за свои права, особенно без клочка собственной территории, мы вынуждены приспосабливаться в каждом отдельном случае к местным и законам и отношениям, вопрос о широком народоправстве должен уступить сейчас место деятельности Вольноказачьего Центра, избранного нами же, вольноказачьей массой. И с тех пор, как мы приступаем к выборам этого центра и выработке основных положений, мы, казачья масса, начинаем принимать непосредственное участье в общей работе для нашего будущего, для нашей независимости.

Перед нашими глазами прошел ряд государственных изменений в мире. Пришли к власти Кемаль-Паша, Муссолини, Гитлер и от упразднения многочисленных партий только выиграли те народы, которые поняли смысл и значение национального об'единения.

Я сделаю такое сравнение: наш будущий центр является тем исполнителем, которому мы вручаем дело проведения в жизнь наших постановлений. Мы, сидящие на местах, находимся на положении с одной стороны, парламента, это наши выборные делегаты, с другой стороны — плебисцита, к которому всегда аппелирует наш Центр и перед которым он отчитывается в своей деятельности.

Вот, если вы заметили, наша так называемая оппозиция рассыпает всюду свою «литературу». Кто ее читал, тот заметил, что она всегда исключительно спорит по личным вопросам, за верховодство, но еще ни разу она не поставила вопроса о борьбе с нашими врагами, не указала способов этой борьбы. Мало того, никто никогда не интересовался той работой, которая проделывалась. Ругали Билого, того Билого, который, фактически один нес всю тяжесть этой работы на протяжении многих лет. Казачья масса на местах ревностно поддерживала эту деятельность Билого. Но эта поддержка, до настоящего времени, носила характер чисто моральный. Ему отдавали должное за его труды в письмах и приветствия, выражали свою искренюю благодарность, но никто из казаков не думал, что необходимо поддержать дело, не лично Билого, а общеказачье дело, более существенным способом.

Ждали созыва Круга. Волновались, упрекали опять таки Билого даже в нежелании созыва его. Но никто не подумал о тех препятствиях, которые лежат на пути созыва этого Круга. Наконец, выход найден и мы приступаем к исполнению своего долга.

При обсуждении вопросов повестки дня следует помнить о той конечной цели, к которой стремится Вольное Казачество. Нужно твердо усвоить себе, что работа сегодняшнего дня не является мероприятием исключительно на годы эмиграции. То, что мы сделаем сейчас здесь, должно лечь в основу всей нашей работы в деле борьбы за свою самостоятельность, за свою родную Казакию. Не нужно забывать, что помимо отчаянной и невсегда равной борьбы с нашими оккупантами там, на Родине, здесь, в эмиграции, нам приходится выдерживать напоры наших врагов, пришедших вместе с нами оттуда; кроме того, нужно учитывать внешнюю обстановку и уметь находить союзников. Нами интересуются почти все, но для нас это недостаточно. Мы должны разобраться во всех этих симпатиях и выбрать себе тех, кто интересен и для нас.

Мы имеем за собою уроки прошлого. Во время переворота 1917 года никто из нас не был подготовлен к случившемуся. Сейчас мы должны готовить себя в ожидании грядущего. Тогда у нас не было программы, не было времени разрабатывать ее. Сейчас у нас есть еще время осилить ее и достойным образом укрепить. Этого мы можем достичь только общими силами, при дружной поддержке нашего Центра. Чем лучше мы об'единимся на местах, тем сильнее будет чувствовать себя наш Центр, тем серьезнее с нами будут считаться те, среди кого мы живем.

Вот вы, станичники, читая все время журнал, вероятно не раз задумывались о том, что же сделал этот самый журнал за все время своего существования? А сделал он очень много.

Но все то, что уже сделано, слишком незначительно в сравнении с тем, что предстоит еще сделать. А сделать нужно следующее:

1) Необходимо нашу пропаганду как здесь, за рубежом, так и там, на Родине, вести еще более усиленно.

2) Возможно шире нужно разбрасывать казачью литературу среди казаков.

3) Нужно сорганизоваться в компактную массу, отдав себя исключительно службе делу здесь и там...

4) Необходимо закрепить нашу дружбу с нашими соседями, тоже заинтересованными в нашем выигрыше, ибо наша победа может явиться и их победой.

5) Необходимо и вне казачьих кругов вести самую широкую агитацию и пропаганду о наших Казачьих делах.

Вот если мы осилим все эти положения, тогда мы обязаны предоставить себя всецело великой борьбе за свое будущее и подчиниться нашему Центру.

Наши решения здесь, на местах, должны решить вопрос нашей дальнейшей судьбы. От него зависит все будущее В. К. движения, скажу больше, зависит вообще судьба Казачества, всего Казачьего дела и нашего Казачьего вопроса.

Решение тех вопросов, которые у нас стоят сегодня в повестке дня, ждут с нетерпением вольные казаки в иных государствах; их ожидает руководящий нашей работой Центр, который на протяжении восьми долгих лет, не считаясь с многочисленными препятствиями, твердо и неукоснительно проводил в жизнь идею ВК; только благодаря его стараниям и его непоколебимой вере в конечную победу в борьбе за наши идеалы, мы и собрались сюда, дабы закрепить за собою уже пройденное и сделанное и указать путь на будущее.

Необходимо помнить, что все перевороты, революции и перемены государственных строев происходили в продолжении, можно смело сказать, моментов. Но подготовки к этим моментам длились десятилетиями. Когда наступит желанный для нас момент, трудно предвидеть. Он может проявить себя в любое время, совршенно неожиданно. Вот потому то мы обязаны тщательно подготовиться, дабы ожидаемые события опять не застали нас неподготовленными, мы должны исподволь вооружаться государственным опытом и знаниями, дабы с наступлением срока стройными рядами войти в колею строительства своего собственного Государства.

Это наш долг, в этом направлении мы должны отдать все свои силы и все наши возможности!

Слава Вольному Казачеству! Слава Казакии!

П. Чипликов в горячих словах отстаивает небоходимость единства среди вольных казаков. Только общей лавой, отбросив все личные счеты и отдавшись исключительно делу борьбы за свое родное дело, мы достигнем намеченной цели. Необходимо раз'яснять казакам, к чему стремится В. К., какие цели оно преследует. Трудно поверить, чтобы нашлись среди казаков такие, которые отступились бы от своего в пользу тех, кто когда то довольно уже поиздевался над казаками. Есть еще много не понимающих, не нашедших еще себя и вот на нашей обязанности лежит помочь им разобраться в наших делах и тогда они сами будут вместе с нами и будут помогать нам в нашем общем деле.

И. Буянов не менее взволнованно подчеркивает, что вольные казаки обязаны поклясться здесь же, перед лицом станичного атамана, о готовности защищать свою идею до самого конца. Настал час, когда нужно оставить безразличие и выжидание, кто что сделает, а когда будет уже сделано, приходить на готовое с своей ложкой...

Ст. Сиволобов отмечает, как ему сегодня приятно быть в среде настоящих патриотов-казаков. Долгое время его питала оппозиция своей литературой, широко открывая перед ним свои гостеприимные пороги. Но он не поддался искушению, присматриваясь к тому, что происходит в казачьей среде. Опыт пережитого, многочисленные обещания многих спасителей и надувательства еще свежи в памяти Казачества, но сейчас оно настолько уже грамотно, что само может выбрать тот путь, по которому ему следует пойти и такой путь, настоящий Казачий, есть именно путь Вольного Казачества.

Затем Круг приступает к обсуждению вопросов, поставленных в повестку дня.

Докладчиком выступает **Г. А. Козловский,** исчерпывающие об'яснения дает также атаман **П. Лосев.**

Первый вопрос проходит единогласно без прений. При обсуждении второго вопроса (территор. Казакии), казаки поделились воспоминаниями, как когда то царское правительство расказачивало целые области, переводя их в губернии, как это было сделано с Черноморской и Ставропольской областью. Постановление по всем затронутым повесткой дня вопросам; изложены в общем приговоре и подписаны всеми участниками Круга.

Точно также безболезненно проходит, при небольших замечаниях по адресу пришлых в Казачьи земли элементов, политическая часть программы ВК.

С. Бендюк считает лишним выражение федерация. Он считает, что вся казачья территория, без различия названия отдельной области, является чисто казачьей, казаки всюду равны, а какая же может быть федерация между казаками? Дело иное федерировать с другими народами, но между собою казакам не приходится федерировать.

И. Буянов и **Сиволобов** просят пояснения слова федерация. Пояснения дает Г. А. Козловский.

О. Козловский подчеркивает, что окончательно вопрос о государственном строительстве Казакии будет разработан первым Верховным Кругом. В данном случае, федерацию следует понимать как добровольный союз, который и принято всегда называть федерацией.

И по этому вопросу вынесено единогласное постановление.

Круг приступает к решению самого серьезного вопроса, о возглавлении Вольно-Казачьего движения.

Г. А. Козловский обращает внимание Круга на то, что каждому вольному казаку за долгие годы эмиграции поневоле пришлось ознакомиться с различными государственными возглавлениями. Вот благодаря этим наблюдениям нам ясно будет, что при всем нашем расположении к демократизму, приходится согласиться, что при современных условиях жизни и в силу создавшихся условий для нас, в эмиграции, мы принуждены признать демократизм сейчас не своевременным и остановиться на выборе кандидата на пост Вольноказачьего Походного Атамана, который по своей совести, на свой риск и страх и с ответственностью перед В. К. массой подберет себе нужное количество необходимых ему сотрудников. Такая система позволит, в случае непригодности кого либо к работе, устранить его, не ожидая постановления нового Круга. У нас, конечно, понятие о Походном Атамане связано с походами, ружьями, саблями и пушками. Сейчас пока что нам не приходится воевать. Нам сейчас необходимо избрать Походным Атаманом человека политически зрелого, который мог бы разобраться в различных комбинациях текущего момента. Нам нужно избрать такого Атамана, которого мы знаем, как честного казака, который не прельстится «большим заработком на стороне». Мы должны теперь шагать вперед, не топтаться на одном месте. Основываясь на уже пережитом, я по совести должен сказать, что не вижу иной кандидатуры, кроме человека уже показавшего нам многое, а главное, направившего нас на наш В. К. путь...

С. Бендюк не возражает против такого предложения, но находит, что нужно избирать Атамана из среды простых казаков. Нужно, чтобы этот простой казак умел хорошо владеть шашкой и смело вел лаву вперед.

П. Лосев. Как раз кандидат, выставленный Г. А. Козловским, и отвечает вашим требованиям. Он и есть простой казак и телом и душою. Необходимо не забывать, что сейчас, в час нашего сидения за границей, нашему Атаману придется иметь дело с многими политическими деятелями различных государств. Вот тут то и требуется то, что называется дипломатией. Что касается походов и командования, то до того времени наш кандидат в Походные Атаманы найдет вероятно кем заместить пост военного руководителя. И я всецело присоединяюсь к кандидатуре на пост Походного Атамана, названной Козловским.

Дальнейшие выступления **О. Козловского, И. Буянова, Т. Лозина** и **Людека** являлись лишь воздаянием должного человеку смело и правдиво в течение семи с лишним лет ведущему казаков по самому правильному пути.

Говоря по совести, все эти выступления явились выражением ему величайшей благодарности. Никто не оспаривал его кандидатуры и она прошла единогласно.

Единогласно вынесены постановления по остальным вопросам повестки (отношение к оппозиции, материальная поддержка Центра и организационный устав).

По всем этим вопросам Круг вынес особый приговор.

Приговор этот читался перед Кругом по отдельным пунктам и по каждому пункту делались самые подробные раз'яснения. Только тогда, когда все присутствующие заявили о полном понимании прослушанного, атаман баллотировал пункт.

Затем был прочитан Наказ первому Вольноказачьему Походному Атаману, тоже принятый единогласно.

Подписанием проекта статута (организационного), закончилась официальная часть работы Круга.

Необходимо подчеркнуть ту настороженность и то внимание, с каким отнеслись В. К. Германии к выполнению своего гражданского долга. Они прониклись сознанием серьезности момента; видно было, что как то легче всем стало на душе: путь найден, нужно серьезно закрепить себя на занятых уже позициях и следовать дальше. Ни одного шага к отступлению, вперед и только вперед!

Атмосфера единодушия и сплочения царила на Первом В. К. Круге в Ганновере.

Такое же настроение, торжественно приподнятое было и после окончания деловой части дня. За кружкой пива, выпив традиционный первый бокал за своего вождя, казаки старались заглянуть за завесу будущего. Как бы это будущее ни было скрыто от любопытных взоров, среди присуствующих не было места пессимизму. Все бодро глядели вперед, не увлекались легкостью предстоящей борьбы, но всех об'единило сознание необходимости создания единого казачьего фронта. Казаки верили в свою силу, в свое сознание и понимали, что не приходится ожидать благодетелей со стороны, нужно браться самим за дело строительства своего Государства. И каждый в отдельности прекрасно давал себе отчет в том, что сейчас он связан круговым словом между собою, что он точно также связан этим же словом и с вольными казаками, живущими в иных государствах. **(Соб. кор.)**

Николай Посохов

Двойственность казачьей мысли

Вскую шаташася языци и людие поучашася тщетным.
(Пс. Давиду 2.)

Едва казак начинает познавать себя, т. е., знакомясь со своей историей, узнавать прошлое своих свободолюбивых предков, бессменно, на протяжении многих веков, боровшихся за волю свою и независимость со своими соседями, перед ним встает мучительный вопрос: почему в среде казачества, наряду со славными атаманами, национальными вождями, боровшимися за лучшую долю и волю казачью, было также и много бесславных атаманов, заклеймивших себя иудиным грехом предательства? Где кроется причина такого явления?

Окидывая духовным взором прошлую казачью историю и присматриваясь к современному казачьему лихолетью, нельзя не заметить, что казачья политическая мысль всегда шла и идет двумя путями. Первый, самостийный, собирающий Казачество на его исторический путь, ведет к независимому союзному государству — Казакии. Конечная цель этого пути ясна и понятна всякому патриоту, любящему свою родину и готовому для блага ее принести в жертву все свои силы и жизнь. Ибо ясно, что только в свободном и независимом казачьем государстве казачий народ может обрести мир и счастье, только при этом условии он может отдать свои силы для созидания государственно - политической и экономической мощи своей родины и может создать новые ценности в области человеческой культуры, мысли и духа...

Второй путь — руссофильский, едино-неделимческий, зовущий казачество на путь служения Единой Неделимой под русское знамя. Зовущие казаков на

этот путь не ставят определенных и ясных целей, для достижения которых казаку стоило бы и не жалко было бы рисковать своей жизнью. Зовущие казаков на этот путь и сами-то определенно не знают своей конечной цели, не имеют ясной и близкой казачьему сердцу ни программы, ни знамени, на котором бы были лозунги и девизы, могущие увлечь казаков на жертву. Да это и понятно. Какая может быть ясность в программах всех разнообразнейших русских политических партий в эмиграции, зовущих за собой казачество, если и сами они не знают еще определенно, за каким знаменем в конце концов они пойдут: за красным ли интернациональным или за старым трехцветным флагом...

Есть еще среднее течение между этими двумя, так называемое самостийное впредь до...

Есть, конечно, и дикие казаки, принадлежащие к партии «куда ветер туда я», или же просто переодетые в казачий национальный костюм и входящие в разные русские политические, младоросские, недоросские и пр. партии. Но, таких единицы и они уже настолько утратили духовное родство с казачеством и настолько обрусели, что при встрече казаки их не признают за своих. Распространяться о таких казаках — политических самоубийцах — не след вольным казакам.

Итак, остается два заслуживающих внимания течения казачьей политической мысли: национальное и руссофильское — единонеделимческое.

Встает вопрос: какое из этих двух течений более истино с точки зрения историко-социальной логики и более присуще казачьей природе.

Если перед казаком вдруг встанет вопрос, какой путь ему выбрать, первый или второй, то какой путь он должен избрать, чтобы быть достойным потомком своих славных предков, борцов за Волю, Веру, Честь и Правду Казачью?

Казак скажет себе: «пойду по пути более древнему, по которому шли прадеды и пращуры». И он не ошибется, избрав национальный вольно - казачий путь, на сине-малиново-желтом знамени которого ясно определена и обозначена наша конечная цель — Казакия с незыблемым стародавним девизом — казачья Воля.

Шло ли в прошлом Казачество по этому пути? — Не только шло, но и жило своей самостоятельной государственной жизнью, отстаивая с оружием в руках свою независимость от посягавших на нее своих соседей. Но вот Казачество вступает в более тесные сношения со своим сильным соседом — единоверной Россией и начинает смотреть на нее, как на дружественную державу. Русская государственность строилась на империалистическом принципе — идее третьего Рима, принесенного извне вместе с православием и грамотностью. Строясь на принципе империалистического централизма, Россия расширяла свои владения, подчиняя себе другие соседние народы. Многочисленная татарская аристократия, оставшаяся после падения татар, к принципу империализма присоединила еще деспотизм. Стремясь к централизму и расширению границ русского государства, а одновременно и к укреплению его за счет экономического использования покоренных народов, русское правительство постепенно начинает проводить политику овладения и приобщения соседних народов, в том числе и казаков, то оружием, то мирным путем, — путем «приобщения к русской культуре». В казачьих школах вводится русская история, где казаку вдалбливается в голову, что предки его были русские крестьяне, убежавшие от своих русских бар, или же беглые преступники.

Подчинилось ли легко без сопротивления Казачество этой политике? Расказачилось ли? Обрусело? Потеряло ли оно свой национальный облик?

Казачество, раньше национально единое и единодушное, раздвоилось и пошло двумя путями. Москва, где силой, а где посулами и деньгами, приручала себе влиятельных казаков и с их помощью все более и более закабаляла казачий народ, лишая его его былых вольностей. Лишенное своей собственной писанной истории, Казачество постепенно начинает забывать заветы своих предков и на своих национальных героев, борцов за Волю казачью, начинает смотреть глазами русских историков, которые их изображают изменниками России...

Обласканные русскими, казаки, так называемые доброхоты Москвы, намечают русофильское течение. Появляются атаманы, служащие интересам Москвы во вред казачьим. Уже бессмертный Атаман Степан Разин имеет врагов среди своих же казаков, обласканных Москвой. Позднее Атаман Кондратий Булавин, во время борьбы за независимость Дона с Петром, сталкивается с Атаманом Зерщиковым, состоявшим на службе Москвы.

Из всего этого можно заключить, что дуализм в современной казачьей действительности — явление не новое. Он есть логическое следствие прошлого.

Известные всему свету доблесть и боевые качества казаков Россия использовала для своих целей, низведя постепенно вольный казачий народ на степень военно-обязанного сословия...

И, вот, последующие казачьи поколения, воспитанные в русских школах по русским книгам, в которых возносилась доблесть казачья на пользу и на благо Матушки России, забывают о своих Атаманах-героях прошлого, боровшихся с этой самой Россией за лучшую долю и Волю казачью, и свыкаются с мыслью видеть Казачество на служебной роли у России.

Дуализм в Казачестве с течением времени проявляется все резче и резче и, в результате, казаки могут теперь читать и слушать из уст своей старшины шедевры русско - казачьего красноречия. Как пример для этого достаточно взять журнал «Кавказский Казак» за март-апрель 1935 г. Цитируем речь ген. Акулинина на торжественном собрании, посвященном памяти вождей:

«Когда в феврале месяце 1917 г. пала Российская Империя и революционная стихия охватила всю страну, казачество в подавляющем большинстве осталось верным заветам своих отцов. Казачьи полки не покинули фронта. Казаки продолжали защищать русскую землю от внешнего врага, а русскую государственность от взбунтовавшихся революционных банд».

Вот как понимает казачий генерал, вскормленный молоком Матушки-России, заветы отцов и предков казачьих.

Так ли понимали дедовские заветы атаман Степан Разин, Кондратий Булавин и недавние казачьи патриоты Рябовол и Кулабухов, умученные русскими руками?

Не мало есть сейчас среди казачьей старшины лиц, подобных генералу Акулинину, для которых заветы предков и пращуров — хранить волю и честь казачью — подменились заветами отцов — служить и жить для блага Матушки-России.

Полк. Елисеев, в статье «Джигиты в Гон-Конге», пишет:

«Забайкальцы на меня дохнули былыми годами юнкерских лет, когда в Оренбургском военном казачьем училище мы, юнкера всех казачьих войск, жили, служили, учились в одной казачьей семье для блага Великой родины России».

Такие генералы и полковники будут всегда учить казаков служить и любить Матушку-Россию, а не свою казачью Родину, распятую и мучимую той же самой Россией.

О теперешних горе-атаманах и их писарях говорить не приходится. Судя по тому же журналу «Кавказский Казак», всякий, даже не искушенный в политике, казак поймет, что атаман давно служит не Казачеству, его избравшему, а России... Вот только еще не ясно, какой именно России...

Коснувшись вкратце обоих течений казачьей политической мысли, можно с уверенностью сказать: «как по древности, так и по сущности, более свойственной духу и присущей природе казака, его истинный и настоящий исторический путь — путь национального возрождения в едином государстве — Казакии, со своим самобытным укладом жизни, ни от кого независимом.

Выбирая путь, казак должен помнить, что душой разделиться нельзя. Служение своей казачьей родине и России в одном человеке несовместимы. «Никто не может служить двум господам, ибо одного будет ненавидеть, а другого любить, одному будет усердствовать, а другому не радеть» (Евангелие от Матвея 6. 24). А посему, казак, если ты искренно и нелицемерно любишь свою Родину, как умеешь любить свою мать, тебя родившую и вскормившую, смело пригребай к своему казачьему берегу. Становись под национальное Вольно-Казачье знамя. Оставь уже не раз обманувших тебя и зовущих вновь служить Матушке-России. Пусть они сами дослуживают ей. Казакам пора начать жить и служить самим себе, своей родине, которая в невыносимых муках обращает свой страдальческий взор к тебе, казак, умоляя об избавлении от удушающей ныне ее красной России.

Слава Казачеству!

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерки на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Завершение генерального русско-казачьего сражения.

(Схема 7 и 11)

В результате упорнейших боев на казачье-русском фронте, от р. Волги до железной дороги Харьков - Белград, создалось следующее положение: 1) Кавказская (Кубанская) армия с тяжелыми потерями отошла с фронта Н. Добринка-Лесной Карамыш- Золотое к самому Царицыну и здесь в многодневных боях за обладание этим городом нанесла 10-й сов. армии настолько сильное поражение, что последняя уже не имела достаточных сил для дальнейшего продвижения на юг и на юго-запад; 2) сильный конный корпус Буденного еще перед боями за Царицын был взят из состава 10-й сов. армии и переброшен в северо-западную часть Донской области с целью недопущения возвращения на Дон 4-го Донского корпуса, совершившего свой знаменитый рейд по тылам красных армий Южного фронта; 3) правый фланг 10-й сов. армии, действовавшей на фронте от устьев р. Иловли до устьев р. Хопра, не мог укрепиться при переправах на правом берегу р. Дона с целью развития дальнейшего продвижения по Донской территории к Новочеркасску; 4) усилиями 3-го конного Кубано-Терского корпуса и 3-го Донского корпуса был ликвидирован прорыв Южного антибольшевицкого фронта войсками ген. Селивачева, и сильно потрепанные дивизии 8-й и левого фланга 13-й советских армий были отброшены казаками значительно севернее линии Богучар-Новый Оскол; 5) несмотря на это поражение, 8-я сов. армия продолжала удерживать в своих руках Лискинский железно-дорожный узел; 6) 4-й Донской корпус ген. Мамонтова совершил свой блестящий рейд и возвратился на казачий фронт, соединившись с войсками Кубано - Терского конного корпуса северо-западнее станции Лиски; 7) 8-я сов. армия вышла на линию р. Хопра и употребляла все усилия, чтобы отбросить 2-й Донской корпус далее на юго-запад и выйти на линию р. Дона от гор. Павловска вниз до устья р. Хопра...

Выше было отмечено, что ген. Деникин еще 24 августа 1919 г. приказал корпусу Мамонтова двигаться на юг с целью уничтожения Лискинской группы большевицких войск. 30-го августа Деникин повторил этот приказ в самой категорической форме.

Пока ген. Мамонтов, находясь в районе гор. Воронежа, в тылу 8-й сов. армии, нащупывал наиболее удобное место для прорыва большевицкого фронта, пока 3-й Кубано-Терский корпус и левый фланг 3-го Донского корпуса отбрасывали все далее на север и северо-восток разбитые части 13-й и 8-й сов. армий, весьма упорные бои происходили между 2-м Донским корпусом и 9-й сов. армией в районе между Хопром и р. Доном: в трехдневных упорнейших боях, с 31-го августа по 1-е сентября, славные и беззаветно храбрые Донцы отбрасывают части 9-й сов. армии на левый берег р. Хопра в районе станицы Усть - Бузулукской, при этом казаки берут 3 тысячи пленных и много винтовок; но в районе к западу от станицы Бурацкой красные потеснили Донцов; 1-го и 2-го сентября шли упорнейшие бои по ликвидации красных, переправившихся на правый берег Хопра в районе ст. Слащевской; только за эти два дня Донцы захватили здесь 2000 пленных, 4 орудия и 16 пулеметов; 3 сентября шли новые упорные встречные бои западнее ст. Слащевской и ст. Бурацкой, и 4-го сентября весь правый берег р. Хопра, от устья до ст. Акишевской, был очищен от красных войск; но в тот же день «на всем фронте 2-го Донского корпуса красные перешли в наступление и переправились на правый берег Хопра у Дундукова, Усть-Бузулукской и Акишевской...

Во время этих боев 2-го корпуса с наседающей 9-й сов. армией, части 8-й сов. армии заняли гор. Калач, Воронеж. губ., и начали сильно нажимать на левый фланг и тыл славного 2-го корпуса; но к юго-востоку от гор. Калача «сводная дивизия генерала Савельева 4-го сентября почти полностью уничтожила бригаду 56-й сов. дивизии, взяв 1200 пленных, 5 орудий и много другой военной добычи» (из оперативной сводки Донармии).

За это время на большевицком фронте произошло событие, имевшее весьма большие последствия: конный корпус Буденного, выйдя из состава 10-й сов. армии в районе станции Арчеда, на линии железной дороги Царицын-Поворино, и, направляясь на борьбу с корпусом Мамонтова, прибыл в район ст. Урюпинской - гор. Новохоперска (схема 7), расположившись в ближайшем тылу 9-й сов. армии. Так как Мамонтов из района гор. Воронежа не пошел на юго-восток, прямо в пределы Дона, а круто свернул на юго-запад и очутился к северо-западу от станции Лиски, силы корпуса Буденного не пришлось использовать непосредственно для борьбы с Донским корпусом Мамонтова. Большевицкое командование получило возможность применить корпус Буденного на фронте между Хопром и Доном, где 9-я сов. армия все еще никак не могла преодолеть сопротивление Донского 2-го корпуса.

Для облегчения об'ективного понимания ближайших событий на русско-донском фронте, остановимся теперь на вопросе о соотношении сил противников на этом фронте. По данным Донского штаба на 5-е сентября 1919 г. в Донской армии было: 21 пеший полк, 6 батальонов и 52 конных полка, всего 20.500 штыков и 19 тысяч шашек, при 175 орудиях и 724 пулеметах. Из того:

	штык.	саб.	оруд.	пул.
1-й корпус	3000	5000	24	112
2-й »	6000	7000	51	261
3-й »	7500	2500	78	258
4-й »	4000	4500	22	93

Из этого числа на фронте находилось от 16500 до 14500. 153 орудия, 631 пулемет.

По данным того же штаба в красных армиях на Донском фронте находились:

	штык.	саб.	лег.	тяж. ор.
10-я армия	14200	7100	46	
9-я »	29200	4430	97	16
8-я »	28600	4940	94	12
Всего	72000	16470	237	28

Хотя из сопоставления выше приведенных данных о количестве бойцов в красных армиях в указанное время с данными иными можно сделать вывод, что данные Донского штаба силы красных показывали в несколько преувеличенном виде, все же несомненно, что русские боевые силы почти в два раза превосходили силы Донской армии.

6-го сентября командующий Донской армией приказал:

1) 2-му Корпусу ударить в направлении Бутурлиновки с целью действительного разрушения железнодорожной линии Лиски - Поворино и воспрепятствовать соединению 8-й и 9-й красных армий;

2) 3-му Корпусу ударить в тыл 8-й армии на Таловую-Бобров, остальным наступать между р. Доном и р. Тихой Сосной с целью овладения Лискинским железно-дорожным узлом;

3) 4-му Корпусу Мамонтова продолжать энергичное наступление вдоль левого берега р. Потудань и для содействия овладению Лискинским узлом с целью уничтожения 8-й армии и дальнейшего движения в направлении Таловая-Новохоперск для удара в тыл 9-й армии красных.

Этот приказ был дан Донским командованием во исполнение следующего приказа ген. Деникина, данного накануне:

«Командарм Добр. Копия Командарм Дон. Обстановка требует полного напряжения всех сил по уничтожению 8-й сов. армии **до подхода к ней конного корпуса Буденного** (курсив редакции журн. «В. К.»). Между тем в этом направлении силы ослаблены. Из сегодняшнего донесения вижу, что и Корпус ген. Шкуро свернул на север и имеет задачей выйти на линию Уколово-Петровский-Валахонская. Если сворачивание Корпуса вызвалось желанием обойти реку Усердец, дабы не вести фронтальных боев за переправы на ней, то с этим согласен. В отрицательном случае в третий раз требую решительных действий против 8-й армии, а от корпуса Шкуро проявить полное напряжение и, не считаясь с разграничительной линией (этот Кубано-Терский казачий корпус был подчинен непосредственно командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому и между Донской и Добровольческой армиями существовала разграничительная линия. Ред.), совместными действиями с Донцами в кратчайший срок уничтожить 8-ю сов. армию. Таганрог. 5 сентября 1919 г. Нр. 012964. Деникин».

Как видим, и приказ Деникина, и приказ Сидорина говорили о необходимости **уничтожить** 8-ю сов. армию.

Надо сказать, что после того, как казаки в августовских боях разгромики урадную группу ген. Селивачева и отбросили ее за р. Потудань, после того, как корпус Мамонтова вышел на фронт 3-го Кубано-Терского корпуса, создалось очень тяжелое положение, как на левом фланге 13-й сов. армии, так и, особенно, на правом фланге 8-й сов. армии. Под ударами казачьих корпусов Мамонтова и Шкуро этот фланг 8-й армии начал быстро откатываться на восток, к реке Дону, отрываясь от левого фланга 13-й- сов. армии. Командующий 8-й советской армией, стремясь сохранить сильно расстроенные ряды своих войск, 6-го сентября приказал своим дивизиям спешно отойти на левый, восточный берег р. Дона между Лисками и Воронежом.

В тот же день командующий Южным русским фронтом Егорьев приказал:

1) 13-й армии сосредоточить ударные кулаки в районе Мармыжи и Нижнедевицка для удара от них «в направлениях сообразно обстановке»,

2) 8-й армии активно обороняться

и 3) группе Шорина — 9-я и 10-я сов. армии — **энергично продвинуться** с р. Хопра на р. Дон **и в кратчайший срок овладеть гор. Богучаром,** находящимся, как известно, на правом берегу р. Дона. (Схема 7).

Насколько советское командование было озабочено скорейшим продвижением вперед группы Шорина, видно из того, что того же 6-го сентября 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами советской России, ген. штаба полковник Каменев, телеграфировал командующему Южным фронтом:

«Обстановка на Южном фронте **требует маневра** со стороны особой группы Шорина. Первая задача — выход на р. Дон на фронте Павловск-Усть-Медведицкая, для скорейшего выполнения которого должна быть использована 22 дивизия путем развития удара на запад вдоль Дона. Выдвижение 9-й армии на Дон **должно быть выполнено в 3-х дневный срок»** (Н. Какурин. Как сражалась революция, т. 2, стр. 309).

В это время главное советское командование еще не теряло веры в возможность завоевания Дона к первым числам октября 1919 г. и в соответствии с этими намерениями издавало свои распоряжения по армиям.

Под ударами правого фланга 3-го Донского корпуса, под сильными ударами 4-го Донского корпуса Мамонтова и Кубано-Терского корпуса Шкуро 8-я армия была отброшена за реку Дон у гор. Коротояка и севернее его.

Корпус Шкуро направился на север, в сторону Землянска - Воронежа, а 4-й корпус в точности выполняя распоряжения Деникина и Сидорины, бросился через р. Дон для преследования оступающей 8-й красной армии и приблизился верст на 15 с запада к станции Лиски. Однако здесь, на восточном берегу р. Дона этот корпус постигло большое несчастье. В оперативной сводке Донской армии за 9-е сентября читаем следующее:

4-й Корпус прорвал фронт красных к западу от Копанище (это селение лежит к западу от станции Лиски верстах в 10-12, как и Лиски, на левом, восточном берегу р. Дона. Ред.) и захватил 1000 пленных. 11-я конная бригада опрокинула противника у Троицкое (это селение лежит на левом берегу Дона, верстах в 20 на северо-запад от ст. Лиски), отбив 20 пулеметов, 2 оруд., 700 пленных. Противник перешел в контр-атаку и принудил отойти к Дону. Тяжело ранены командир батареи Ковалев, тяжело ранен комбриг 13 генерал Попов, легко ранен комбриг 9 ген. Татаркин, убит ген. Максимов, ранены командиры батарей Белобоков, Волошинов и Волков. В одной батарее перебита вся прислуга»...

Вследствие этого наступление на Лиски не удалось; 8-я армия еще очень сильно защищалась, хотя сами большевики признавали, что в это время 8-я армия находилась в очень тяжелом положении. В официальной большевицкой сводке читаем следующее:

«Беспрерывные бои, продолжавшиеся 2 недели, привели армию к полному расстройству в смысле потери тыловых учреждений и больших потерь в дивизиях. 12 и 13 дивизии, имея до 500 штыков каждая, понесли большие потери в материальной части и командном составе и в настоящее время небоеспособны; 15 дивизия, имевшая 7 сентября 17000 штыков, в бою 8 сентября потеряла батарею и целиком два полка. 16 дивизия имеет только одну бригаду, составленную из двух сильно потрепанных полков; 33 дивизия ежедневно в боях несет большие потери, а к 2 сентября имела до 4000 штыков; 31 дивизия, будучи совершенно деморализована, частью разбежалась, частью обезоружена и направлена в распоряжение ревтрибунала» (Какурин. Как сраж. револ. т. 2, стр. 310).

Когда 8-я армия оступала за р. Дон, 2-й Донской корпус и правый фланг 3-го Дон. корпуса продолжали вести успешные бои между р. Хопром и р. Доном, угрожая флангу и выходом в тыл ослабленной 8-й сов. армии, занявшей фронт с севера на юг вдоль течения р. Дона, от Воронежа до гор. Павловска включительно.

10 сентября ген. Сидорин послал ген. Деникину телеграмму, настаивая на окончательной ликвидации 8-й сов. армии и **Приволжской** группы противника — 9-й и 10-й сов. армий, захвативших значительную

часть Донской казачьей земли. «Тогда», телеграфировал Сидорин, «в истинном смысле этого слова будет открыта широкая дорога на Москву, **в противном случае на правом фланге вооруженных сил Юга России будет висеть постоянная угроза.** Еще более убеждаясь в особенном значении нанесения полного разгрома 8-й сов. армии и **сокрушающего удара по восточной группе красных**, полагаю необходимым приступить к выполнению этой операции безотлагательно и совместно с корпусом Шкуро, а потому прошу уведомить о Вашем решении», 10-9-1919, Нр. 0427/К. Миллерово. Сидорин.»

В тот же день Сидорин послал начальнику штаба Деникина такую дополнительную телеграмму:

«Прошу обратить внимание на оперативную сводку ШтармДон к 24 часам 10-го сего сентября за Нр. 6349. Упорство наступления 9-й красной армии на Хопре с одной стороны и упорство обороны остатков 8-й армии (в) Лискинско-Калачевском (районе) с другой, при наступлении против которой части 3 и 4 Донских корпусов понесли тяжелые потери особенно в командном составе, подтверждают мои соображения в телеграммах на имя Главкома Нр. Нр. 0423/К и 0427/К относительно направления Корпуса Шкуро. Миллерово. 10 сент. Нр. 0428/К. Командарм Дон ген.-лейт. Сидорин».

10-го сентября Командующий Донской армией приказал: 1) разбить Калачовско-Павловскую группу красных и тем открыть фронт на Таловую, 2) уничтожить Лискинскую группу с обходом ее с севера.

3-й Донской корпус упорными боями продвигался к Лискам с юга, вдоль жел. дор. Евстратовка-Лиски и с юго-запада, вдоль жел. дороги Валуйки-Лиски; 2-й Корпус продолжал вести упорные бои между Доном и Хопром: 11-го сентября к юго-западу от ст. Усть-Бузулукской донцы уничтожили полностью 41 и 42 полки красных, взяв 2500 пленных и 2 орудия.

Тогда для спасения положения в этом районе и с целью осуществления директивы красного главкома о скорейшем выходе 9-й армии на р. Дон, командующий 9-й и 10-й советскими армиями Шорин выдвинул конный корпус Буденного на стык 8-й и 9-й армий.

Снова наступил один из решительных моментов борьбы. Донская казачья армия была измотана беспрерывными боями. Корпус же Буденного более двух недель не принимал никакого участия в боях.

12 сентября начальник Штаба Донармии в телеграмме на имя начальника Штаба Деникина сделал следующую оценку создавшегося тогда на фронте положения:

«Боями 10 и 11 сентября установлено присутствие 6-й и 4-й дивизий конного корпуса Буденного на Новохоперско-Калачевском направлении. Овладев 10-го сентября гор. Калачем, Буденный после боя 11 сентября, оттеснив конную группу ген. Савельева с большими для нее потерями в районе к юго-востоку от ст. Криуша, имея видимо задачей совестно с группой из 23 и 22 дивизий красных, действующих от низовьев р. Хопра на станицу Вешенскую. захватить в клещи доблестно дерущийся 2-й Корпус и, отбросив его за р. Дон, ударить по нашим глубоким тылам.

Предположено, отбросив красных в низовьях Хопра, всю конницу 2-го Корпуса, совместно с группой ген. Савельева, обратить против Буденного, но это может оказаться недостаточным, особенно если затянется ликвидация Лискинской группы противника. Последняя задача выполняется главным образом корпусом Мамонтова, но расчеты на него должны быть осторожные, так как **в последних боях у гор. Коротояка Корпус потерял до одной трети боевых сил,** особенно велики потери в командном составе.

При успехе нашей конницы с севера на направление Бобров-Таловая-Калач представляется благоприятный случай не только совершенно вывести из строя остатки 8-й армии, но и прикончить с главной группой Приволжского фронта — Буденным, переброшенным с Саратовского направления на Воронежское; при неудаче надо ожидать весьма серьезного осложнения на фронте Донармии. Между тем по сведениям Командарм Дон, находящийся сейчас в районе Лиски ген. Шкуро направлен на Касторную (схема 7).

Командарм Дон признал (необходимым) изложенное донести и вновь просить Главкома об изменении направления ген. Шкуро (Кубано-Терский конный корпус, примеч. редакции) для совместного действия с Мамонтовым.

Миллерово. 12 сент. 17 час. Нр. 0429/К. За нашгарм Дон полк. Кислов».

В тот же день нач. Штаба вооруженных сил Юга ген. Романовский сделал следующие телеграфные указания командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому:

«Харьков. Командарм Добровольческой, копия Командарм Донской.

На Нр. 0427. Мне обстановка представляется в следующем виде: Вами разбита 13-я армия и дорога на Орел открыта. 8-я армия и часть 13-й отошли на северо-восток за Дон и усилили там группу Шорина, ведущую активную операцию против Кавказской и Донской армий. Красные употребят очевидно все усилия к удержанию Лискинского узла, владение которым дает им устойчивость и маневренную свободу. Таким образом успех под Лисками и возможность Донцам развить операцию на восток и северо-восток являются лучшим обеспечением нашего правого фланга, почему действия 3-го (Кубано-Терского) конного корпуса должны главным образом сводиться к помощи Донцам в Лискинской операции, то есть, если ген. Шкуро не вышел из боя, то продолжать начатую операцию, если вышел, то ударить по флангу и тылу Лискинской группы в зависимости от обстановки где-либо между Лисками и Воронежом... Нр. 013517. Ген. Романовский».

На р. Дон создалось положение, при котором невозможно было медлить ни одного дня. Поэтому ген. Сидорин того же 12 сентября **приказал:** 1-му Донскому корпусу, занимавшему фронт по р. Дону от устья р. Иловли вверх до устья р. Хопра, оставив самое жидкое наблюдение за р. Доном между Иловлей и ст. Клецкой, **форсировать Дон между устьями Медведицы и Хопра**, содействуя тем 2-му Корпусу по разгрому противника, действующего в низовьях Хопра; 2-му Корпусу **закончить в кратчайший срок разгром левофланговой группы 9-й армии в низовьях Хопра, перебросить свою конную группу на левый фланг Корпуса и совместно с конной группой ген. Савельева разбить конный корпус Буденного»...** (курсив редакции).

Однако, 2-й Донской корпус не смог осуществить этих заданий, так как 14 сентября конный корпус Буденного разбил измотанную беспрерывными боями конную группу ген. Савельева, и потому в тот же день Командир 2-го Дон. корпуса ген. Коновалов приказал отвести конницу за р. Дон, оставив за собой плацдарм на левом берегу Дона между станицами Вешенской и Казанской.

Только после этого 9-я сов. армия заняла фронт по р. Дону от г. Павловска до Усть-Медведицкой станицы (схема 7).

Согласно большевицким данным в это время 9-я сов. армия насчитывала в своем составе 18630 штыков, 2766 сабель при 165 орудиях, имея против себя части Донской армии в количестве 14400 штыков, 13000 сабель при 141 орудии (Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 311). Надо сказать, что эти данные значительно отличаются от данных Дон. штаба.

Этим закончилось генеральное полуторамесячное русско-казачье сражение. Исполняя полученные директивы, 9-я сов. армия начала готовиться к переправе через р. Дон с целью нанесения удара на гор. Богучар.

Русское командование и Донская армия.

Для характеристики отношения белого командования к работе Донской армии за рассмотренный выше полуторамесячный период генеральных боев и ради более об'ективной оценки создавшегося на фронте положения к концу генерального сражения, т. е. к половине сентября 1919 г., остановимся на части теле-

графной перепики между ген. Деникиным и ген. Сидориным.

19 сентября Деникин послал ген. Сидорину следующую телеграмму:

«Миллерово. Командар Дон. Операции Донской армии, за последнее время отошедшей по всему фронту без достаточных оснований за Дон, отличаются исключительной пассивностью. Не вижу работы и 4-го Корпуса, по Вашим донесениям имеющего в своих рядах до 10-ти тысяч штыков и шашек. Все предположения основываются на Корпусе Шкуро, который уже сделал большую работу, захватив Воронеж. Требую от войск Донской армии самых энергичных действий и скорейшего освобождения ген. Шкуро для использования успехов Добрармии в движении на север. Таганрог. 19 сентября 1919 г. Нр. 013148. Деникин».

На другой день ген. Деникин обратился к ген. Сидорину с такой телеграммой:

«Миллерово. Командарм Дон.

Директивами моими номера 012078 и 013116, как главная задача Донской армии поставлено овладение Лискинским узлом, имеющим исключительно важное значение, как для развития дальнейшей операции на Балашов-Ртищево, так и для движения Добрармии на север. Только в виду Ваших настойчивых донесений о недостаточности Ваших сил для выполнения этой задачи, мною был передан в Ваше временное подчинение 3-й Конный (Кубано-Терский, прим. редакции) корпус, столь необходимый для развития операции на север. Между тем из всех последних донесений я вижу, что Вами ничего не делается для выполнения моей директивы: части, ранее сосредоточенные в районе Лиски, рассосредотачиваются под влиянием одних угроз, генерал Мамонтов, вместо выполнения поставленной задачи, **гуляет по пустым местам,** уклоняясь от столкновения с той группой противника, которая должна явиться первым об'ектом его действий, **остальные части стоят пассивные** и вся задача возложена на ген. Шкуро.

Категорически требую исполнения моей директивы, для чего сосредоточить все возможные силы и средства для ликвидации Лискинской группы, направления ген. Мамонтова для исполнения той же задачи и перехода к активным действиям на всем фронте армии, дабы не дать возможности и противнику сосредоточить все к угрожающему пункту.

Таганрог. 20 сент. 1919 г. Нр. 013166. Деникин».

21-о сентября Командующий Донской армией ответил Деникину:

«Донская армия не заслужила той обидной оценки ее деятельности, которая сделана в телеграммах Ваших за номерами 013148, 013152 и 013166. Первоначальный отход с фронта Новохоперск-Балашов, как Вам известно, был вызван быстрым отходом Кавказской армии к Царицыну. С начала его Донармия была поставлена в трудное положение, так как главный удар армий Южного фронта красных был направлен на нее. Все время активно обороняясь с непрестанными боями, я все же, во имя интересов всего нашего фронта, нашел возможным выделить свой лучший Конный Корпус **для рейда в глубокий тыл красных.** Громадное значение (его) оценено даже противником. Уничтожение его баз в Тамбове, Козлове, Ельце, разрушение важнейших железнодорожных узлов облегчило в сильной мере продвижение **правого фланга Добрармии.** Роспуском 100 тысяч пленных и мобилизованных он не только ослабил вдвойне фронт красных, **но создал благоприятную политическую обстановку для дальнейшего продвижения наших армий к центру России. Борьба 2-го Корпуса против всей 9-й армии также не носит и признака пассивности.** Только постоянным маневром удалось ему в сильной мере расстроить 9-ю армию красных. **Уже одно количество пленных, взятых этим Корпусом, — за последние три недели 17 тысяч, т. е. в два раза больше, чем число своих бойцов, наглядно указывает на активную борьбу Корпуса.** Отход за Дон совершен по моему приказу для перегруппировки с целью начать новую серьезную операцию, а также для того, чтобы дать необходимый отдых измотавшимся до крайних пределов частям 2-го Корпуса.

1-й Корпус, наиболее численно, **активно оборонял Дон, разбив три бригады красных, пытавшихся переправиться, и в настоящее время успешно форсирует Дон для дальнейшего наступления согласно моей директиве 0440/К от 17 сентября.**

3-й Корпус, тоже действуя активно, натолкнулся на сильное сопротивление в районе Лисок, понеся большие потери при попытках форсировать Дон, вынужден был остановиться до окончания перегруппировки.

Таким образом по всему фронту Донармии активные действия не прекращались ни на одну минуту, о чем свидетельствуют и взятые за время с 25-го августа по 20-е сентября трофеи в количестве 24 орудий, 162 пулеметов и 25 тысяч пленных.

Медленное продвижение вперед, и в частности, временный отход 2-го Корпуса вызывается не отсутствием активности, а **большим превосходством сил противника** (русских братьев генерала Деникина. Ред.), **который все время не ослабляет, а увеличивает свои силы,** так, например, за выше указанный период документально и пленными точно установлено участие в боях против Донармии **новых дивизий** — 56-й, 22-й, 5-й, 47-й, Конного корпуса Буденного, и, предположительно, 20-й. Кроме такого значительного превосходства сил противника, **прошу принять во внимание при оценке боевой работы Донармии и те тяжелые условия, в которых она находится, а именно: отсутствие в районе железных дорог, без которых для всякой перегруппировки требуется срок не менее 7-10 дней; до крайности затрудненный благодаря той же причине подвоз всего снабжения; полное отсутствие технических средств, которыми армия совершенно не снабжается; недостаток боевых припасов, которые начали поступать только в последнее время; громадный недостаток офицерского состава, в пополнении которого Вами отказано.**

Однако, несмотря на все эти условия, **Донская армия не падает духом и продолжает с полным напряжением борьбу, а Донское казачество попрежнему несет на себе тяготу гораздо большую, чем все остальные части России, становясь почти все под ружье.**

О всем изложенном считаю долгом донести и доложить, что **если Ваши телеграммы касаются не Донской армии, а ее Командующего, то я во всякий момент готов передать командование лицу более достойному по выбору Вашему и Донского Атамана.**

Миллерово. 21 сент., 14 часов. Нр. 0453/К. Сидорин».

Разве здесь нужны какие-либо пояснения, чтобы понять, насколько несправедливы, как глубоко обидны для Донского Войска были обвинения, брошенные ему Деникиным. Даже сторонник того же Деникина, генерал Сидорин, принужден был протестовать.

Видно Деникин глубоко задел командующего Донской армией, так как в тот же день ночью ген. Сидорин послал Деникину дополнительную телеграмму:

«Главкому. Секретно. Оперативная. Нр. 013386.

В своих донесениях за номерами 0458 и 0453/К я докладывал Вам, что обстановка на фронте армии побудила меня для выполнения поставленной Вами задачи произвести перегруппировку и атаковать Лискинскую группу **не в лоб, как это уже дважды делалось,** а в другом направлении. Докладывал Вам также, что **в этих атаках части понесли большие потери. В группе генерала Гусельщикова выбыл весь старший командный состав во главе с самим Гусельщиковым и его командирами бригад, начальниками штабов и несколькими командирами полков. При таких условиях вновь заставлять войска форсировать Дон там же, где они уже дважды потерпели кровавую неудачу, считаю бесполезным и вредным.**

Кроме того, считаю себя вправе в выборе способов выполнения задач применять тот, который наиболее соответствует обстановке, в деталях известных мне, как ближнему, более, чем Вам. В этом я не видел неповиновния и иначе поступить не мог. В настоящее время еще раз ходатайствую не отменять моей директивы и не производить новой перегруппировки в смысле подтягивания в район Коротояка-Лиски сил, уже

сосредоточенных в районе Богурчак-Павловск, и особенно сейчас, когда определилась группировка 14, 25 и 56-й дивизий красных на участке Казанская-Богучар. Это займет не менее 5-ти дней и приведет к срыву всей операции. С корпусом Мамонтова у меня нет постоянной связи, **так как нет ни радиостанций, ни летательных аппаратов, о присылке которых я много раз ходатайствовал.** Основная же задача ему поставлена — содействовать овладению Лискинским узлом.

В заключение с сознанием честно исполненного долга прошу Вашего разрешения передать командование лицу по Вашему выбору для того, чтобы не подвергать Донскую армию незаслуженным ею обидам.

21 сентября 1919 г., 23 часа 35 минут. Нр. 0452/К. Сидорин».

Как мы знаем из предыдущего изложения, в августе и первой половине сентября 1919 г. Донская и Кавказская армия и 3-й Кубано-Терский конный корпус приняли на себя планомерно подготовленные и настойчиво проведенные удары красных войск ген. Селивачева и Шорина, насчитывавших вместе около 94 тысяч бойцов при 2487 пулеметах и 491 орудии (см. выше: «Казаки между двух огней»).

Неся огромные потери, казачьи армии не только остановили бешенный натиск части 13-й сов. армии, всей 8-й, 9-й, 10-й и 11-й армий, но могучими ударами настолько сильно потрепали великорусские войска, что последние не были в состоянии осуществить поставленные им широкие задания. Натиск красных войск снова разбился о казачью грудь, хотя и очень дорогою ценою были достигнуты эти победы.

Несмотря на это, Деникин нашел возможным, уместным и оправданным бросать Донской армии настолько тяжелые и несправедливые обвинения, что даже единомышленник Деникина, генерал Сидорин, принужден был протестовать против такой клеветы на доблестную Казачью армию.

Можно предположить, что Деникин сам понимал всю необоснованность брошенных им обвинений. 23 сентября он послал генералу Сидорину такую телеграмму:

«**Только** Командарм Дон.

0452, 0435, 0454. Мои телеграммы не имели в виду тот период деятельности Донармии, который Вы указываете и который отмечен несомненными успехами, а исключительно период, когда появление корпуса пресловутого Буденного вызвало отход всего 2-го Корпуса за Дон. Оттягивание значительных сил из под Лисок на 100 верст к югу в район Богучара и движение Корпуса генерала Мамонтова не для охвата Лискинской группы, а опять в глубокий тыл для операции быть может способствующей, но не непосредственно решающий. Достаточно имею опыта в командовании, чтобы не вмешиваться в сферу деятельности моих подчиненных, но вместе с тем я привык требовать, чтобы намеченная общая операция исполнялась. Я никогда от Вас не требовал лобовой атаки и нисколько не одобрял приведшие к ней движения Мамонтова правым берегом Дона. Для обходной же операции не требуется уходить за четыре перехода в сторону. Что касается передачи командования, то если бы это я имел в виду, то сообщил бы Вам. Операцию, намеченную Вами, ввиду, законченного сосредоточения разрешаю продолжать, имея все же целью захват Лискинского узла.

Севастополь. 23 сентября 1919 г., 19 часов. Нр. 251. Деникин».

(Отметим кстати, что в ночь под 23 сентября славные Донцы взяли уже так долго неприступную станцию Лиски, так что Деникин, впустую выдвигал требование — «имея все же целью захват Лискинского узла»).

На свою гибель связалось Казачество с русским белым движением. Красная Россия по своей доброй воле наступала на Казачьи Земли, а белые русские помещики, генералы и «политики» звали казаков «спасать Россию».

Мы ищем исторической правды и об'ективного освещения прошлых грозных событий, приведших Казачество к тому состоянию, в котором оно теперь находится. Мы далеки от того, чтобы бросать пустые фразы, ни на чем необоснованные обвинения или чтобы заниматься общими, не основанными на фактах, утверждениями. Тем более мы не желаем даже по адресу нашего северного соседа, столько зла причинившего казакам, бросать огульные обвинения в желании захватить чужое, ограбить Казачество и т. д.

Что говорят сами руские люди, что говорят факты? Русский по убеждениям и политическим взглядам ген. Сидорин в официальной телеграмме на имя русского же ген. Деникина 21 сентября 1919 г. категорически утверждал, что ген. Мамонтов во время бессмертного рейда 4-го Донского корпуса по тылам красных армий **распустил сто тысяч русских пленных и мобилизованных.**

Против кого собирались идти **войною эти сто тысяч здоровых, способных носить оружие русских людей?** Ясно против кого — **против казаков.**

Далее. В той же официальной телеграмме ген. Сидорин, как командующий Донской армией, утверждал, что **только за время с 25 августа по 20 сентября 1919 г. Донская армия взяла 25 тысяч пленных.**

Из людей какой народности составлялись эти 25 тысяч, пришедших с огнем и мечем в Донскую Землю? Ответ один и ответ ясный — эти 25 тысяч принадлежали, почти исключительно, к великорусскому народу.

Обратимся еще к одному русскому источнику. Ген. Врангель категорически утверждает, что в боях под Царицыном 23-27 августа 1919 г. Кавказская армия взяла только пленных 18 тысяч человек, да в боях той же армии на Черноярском направлении, с 1-го по 10-е сентября того же года, было взято казаками еще 3000 человек пленных. Значит, с 23 августа по 10 сентября, Кавказская (Кубанская) армия взяла 21 тысячу пленных.

Ни в телеграммах ген. Деникина на имя командующих Донской и Кавказской армиями, ни в написанных ген. Деникиным уже за границей «Очерках Русской Смуты» мы не находим и намека на опровержение справедливости этих утверждений генералов Сидорина и Врангеля, командовавших казачьими армиями. А из этих официальных утверждений выходит, что только за время с 23 августа по 20 сентября 1919 г. две казачьих армии взяли в плен свыше 45 тысяч бойцов, составлявших красные армии.

Припомним здесь же, что, на основании официальных сводок, 3-й Кубано-Терский конный корпус, сыгравший главную роль в ликвидации прорыва группы красных войск под командованием ген. Селивачева в августе-сентябре того же года, взял в этой операции не менее 5-ти тысяч пленных.

Таким образом, за время генерального русско-казачьего сражения в августе-сентябре 1919 г. Донская и Кавказская армии и Кубано-Терский корпус взяли только в плен свыше 50-ти тысяч великорусских солдат, шедших завоевывать Казачьи Земли. А сколько еще было убитых и раненых в жестоких и упорных боях; а сколько еще осталось солдат в красных 8-й, 9-й 10-й и 11-й армиях, направивших штыки в доблестную казачью грудь, не желавших брать чужое, но храбро защищавшую свое, родное...

Сто тысяч русских распустил Мамонтов, 50 тысяч казаки взяли в плен, и далеко больше 50-ти тысяч еще оставалось в перечисленных советских армиях...

И после всего этого находятся люди, которые осмеливаются утверждать, что Россия не воевала против Казачества! И после этого Деникин осмеливался бросать упреки славной, истекающей кровью в борьбе с захватчиками, доблестной Донской армии, состоявшей из казаков 28 призывных возрастов...

Красные полчища уничтожали казаков, кровавыми лаптями сапогами топтали Казачьи Земли и Казачьи Права, издевались над седовласыми казаками, над женщинами и над малолетними детьми, а белый генерал бросал казакам еще и обвинения...

И это делал Деникин в то время, когда Донская армия, быстро произведя перегруппировку по указаниям своего командования, снова перешла в общее

наступление против насильников, руководимых коллегами Деникина по русской Академии Генерального Штаба...

Из глубокого тыла, из города Севастополя 23 сентября Деникин посылал Донской армии свою спесивую телеграмму — «я привык требовать»... «что касается передачи командования, то если бы это я имел в виду, то сообщил бы Вам» и т. д. А в ночь под этот день Донская армия взяла узловую станцию Лиски... И, снова неся огромные потери, гнала со своей Земли красные армии...

Как большевики об'ясняют причины неудачи наступления Селивачева и Шорина.

В течение всего июля 1919 г. красное командование планомерно и энергично работало над подготовкой решительного удара по Казачьим армиям двумя сильными группами своих войск — Шорина и Селивачева.

Начавшееся в первых числах августа на огромном фронте генеральное сражение закончилось около половины сентября полным поражением 8-й и 10-й армий и решительной приостановки дальнейшего продвижения 9-й сов. армии на среднем течении реки Дона и 11-й сов. армии на нижней Волге.

Самые решительные и строгие приказы командующего Южным красным фронтом Егорьева и Главнокомандующего советскими армиями Каменева не могли уже двинуть вперед красные войска. Бывший командующий сначала 10-й, потом 14-й сов. армиями, а с конца сентября 1919 г. и Южным фронтом, генер. штаба плковник А. И. Егоров, говорит: «Действия войск Южного фронта развернулись в соответствии с планом главного командования, разработанным в полном контакте с командюжем; **действия эти закончились, как мы видели, катастрофической неудачей...** План ни в какой мере не отвечал реальной обстановке на Южном фронте ни в политическом, ни в географическом, ни в стратегическом отношениях»... (Разгром Деникина, стр. 129).

Разбираясь более подробно в причинах этой катастрофической неудачи, А. Егоров говорит:

...«Донская область должна быть отнесена к числу тех территорий, а Донская армия — к числу тех армий, кои **сильны своими оборонительными свойствами.** Нам кажется неоспоримой, — и мы это подчеркивали в своем труде не раз, — полная безнадежность требовать от Донской армии наступления, ибо эта армия **не имела по существу ни импульса, ни желания выходить за пределы своей области, но зато была весьма активна в обороне.** И вместо того, чтобы оставить против нее слабые заслоны (с некоторой поправкой на Кубанские части, оперировавшие вдоль Волги) и сосредоточить максимум своих сил на центральном участке против Добровольческой армии, мы располагаем сильнейшую группировку сил своих против Донской армии (ставя этой группировке наступательные задачи), а слабейшую — против добровольцев. За это мы жесточайшим образом и платимся» (там же, стр. 222)...

...«Озлобленность Донского казачества против советской власти и красных армий, что не могло явиться секретом для командования красной стороны, заранее предрешала труднейшие условия действий войск. В действительности **борьба в той части Донской области, которая оказалась занятой 9-й армией, приняла ожесточенный характер**, о чем красноречиво свидетельствуют донесения штаба Юго-восточного фронта. **В борьбе принимали участие иногда даже женщины и дети; обозы и тыл подвергались постоянным нападениям; положение красных в Донской области было вполне аналогично нахождению во вражеской, неприятельской стране; чем дальше шло продвижение, тем озлобленность и отпор вызывало оно со стороны Казачества. Мы действительно грудью шли на Дон, увеличивая с каждым шагом казачий барьер перед собой»...** (там же, стр. 130; курсив редакции «В. К.»).

К таким выводам приходит Егоров после подробного и обстоятельного изучения прошлой русско-казачьей войны и эти выводы публикует в 1931 г. в Москве.

Бывший военный министр советской России, Л. Троцкий, в сентябре 1919 г. писал следующее:

...«Априорно выработанный план на Южном фронте оказался безусловно ложным. Неудачи на Южном фронте об'ясняются в первую очередь ложностью основного плана.

1. В основе плана лежало отождествление Деникинской белогвардейской опасности с Донским и Кубанским казачеством. Это отождествление имело больший или меньший смысл, пока центром Деникина был Екатеринодар, а пределом его успехов — восточная граница Донецкого бассейна. Чем дальше, тем больше отождествление становилось неверным. Задачи Деникина — наступательные, задачи Донского и Кубанского казачества — оборонительные в пределах их областей. С продвижением Деникина в Донецкий район и на Украину элементарные соображения подсказывали необходимость отрезать его выдвинувшиеся на запад силы от их первоначальной базы — от казачества (выше мы, на основании неопровержимых документов и общеизвестных фактов, наглядно показали, что и на Украине Деникин воевал **казачьими силами;** см. выше: «Борьба на Левобережной Украине», «Борьба за обладание Днепром» и схемы 8-ю и 9-ю, Редакция «В. К.»). Удар на Харьков-Таганрог или Харьков-Бердянск представлял собою наиболее короткое направление по территории, населенной не казачеством, а рабочими и крестьянами, и обещал наибольший успех с наименьшей затратой сил...

...4. Для проверки оперативного плана не лишне посмотреть на его результаты. Южный фронт получил такие силы, **какие никогда не имел ни один из фронтов: к моменту наступления на южном фронте имелось не менее 180.000 штыков и сабель, соответственное количество орудий и пулеметов.** В рзультате полуторамесячных боев мы имеем **жалкое топтание на месте в восточной половине фронта и тяжкое отступление, гибель частей, расстройство организации в западной половине...**

...7. Причины неудачи надо необходимо искать целиком в оперативном плане. Мы пошли **по линии наибольшего сопротивления, т. е. части средней устойчивости направили по местности, населенной сплошь казачеством, которое не наступает, а обороняет свои станицы и очаги, атмосфера «народной Донской» войны оказывает расслабляющее влияние на наши части...**

8. В той области, где меньшие силы с нашей стороны могли дать несравненно большие результаты на Донце и на Украине, мы предоставили Деникину полную свободу действий и, таким образом, дали ему возможность приобрести колоссальный резервуар новых формирований.

9. Таким образом, в то время, как мы напирали грудью на Дон, увеличивая казачий барьер перед собой, Деникин почти без помехи занимается на всей территории новыми, особенно кавалерийскими формированиями.

10. Ошибочность плана сейчас настолько очевидна, что возникает вопрос: как вообще этот план мог возникнуть... (Л. Троцкий. Как вооружалась революция, т. 2-й, книга 1-я, стр. 301-303. Курсив наш., редакция «В. К.»).

Когда много лет спустя после описываемых событий Л. Троцкого выбросили за границу его же товарищи, бывший военный министр советской России и председатель Военного совета Республики в 1930 г. издал в Берлине свой большой труд «Моя жизнь». Во 2-м томе этой работы находим такое место:

...«Главное место в гражданской войне занял Южный фронт. Силы врага состояли **из двух самостоятельных частей: казачества, особенно Кубанского и Добровольческой белой армии, набранной со всей страны.**

Казачество хотело отстоять свои границы от натиска рабочих и крестьян. Добровольческая же армия хотела взять Москву. Эти две линии сливались лишь до тех пор, пока добровольцы составляли на Северном Кавказе общий фронт с Кубанцами. Но вывести Кубанцев из Кубани представляло для Деникина трудную, вернее сказать, непосильную задачу... Кубань бы-

ла главной базой добровольцев. Ставка решила поэтому решающий удар нанести по этой базе с Волги. Пусть Деникин зарывается и тянется головою к Москве. Мы тем временем за его спиною **разметаем его Кубанскую базу.** Деникин повиснет в воздухе, и мы возьмем его голыми руками. Такова была общая стратегическая схема.

Если бы дело шло не о гражданской войне, она была бы правильной. По отношению же к реальному Южному фронту она оказалась чисто академической и сильно помогла врагу. Если Деникин **не мог поднять казачество на далекий поход против севера,** то, ударив по казачьим гнездам с Юга, мы помогли Деникину. Отныне казаки не могли защищаться только **на своей собственной земле.** Мы сами связывали их судьбу с судьбой Добровольческой армии (стр. 187).

Несмотря на тщательную подготовку нами операций и сосредоточение значительных сил и материальных средств, **мы не имели успеха. В тылу Деникина казаки образовали могучий оплот. Они вросли в свою землю, держались за нее зубами и когтями. Наше наступление поставило на ноги все казацкое население. Мы тратили силы и время и толкали в состав белой армии всех способных носить оружие.** Деникин тем временем разлился по Украине, пополнил свои ряды, двинулся на север, взял Курск, взял Орел и угрожал Туле»... (там же, стр. 188).

Так большевицкие политические и военные вожди об'ясняют основные причины неудачи наступления красных армий, входивших в состав ударных групп ген. Селивачева и Шорина.

Казаки Юго-Востока об'единенными усилиями, в течение зимы и весны 1919 г., не только отбили нападение целых четырех красных армий в Донецком бассейне и на р. Маныче, но и выбросили остатки потрепанных сов. армий за пределы Казачьих Земель. После этого красное командование и Московское правительство целых полтора месяца собирали силы и средства для нового и решительного удара по Казачьим армиям и Землям. Но в упорнейших августовских и сентябрьских боях казаки разрушили хорошо задуманный и тщательно подготовленный план нового и окончательного завоевания Казачьей территории...

Потерпев **катастрофическую неудачу,** как говорит Егоров, вожди новой России искали нового решения, поставленной ими на Юге задачи.

(Продолжение следует)

ПОПРАВКА

В предыдущем номере следует исправить следующие опечатки:

На стр. 11, правая колонка, в 12 строке сверху, вместо «500 шашек», слеует читать: «5000 шашек»...

На стр. 14, левая колонка, 37 стр. снизу, — вместо «45000 шашек», следует читать «4500 шашек»...

А. Ленивов

Расправа с Уральскими казаками в 1874-1883 г.г.

(ЧТО БЫЛО 50-60 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД)

«В семьдесят четвертое лето,
Настало у нас житие нелепо,
По нащему согрешенью,
А по Божию попущенью
Начали нас власти понуждать:
А мы, казаки, стали о себе размышлять,
Как нам, казакам, жить,
Антихристовы прелести избыть.
Ох, увы и горе!
Сокрушают нашу волю»...

Приказом по Военному Ведомству за № 112 от 9-го марта 1874 г. было утверждено новое «положение о воинской повинности в Уральском казачьем войске и отправлении службы», соответственно чему было определено, что в Уральском войске полагается 9 конных полков шестисотенного состава, из коих в мирное время находится на службе 3 полка. Сверх того, Уральское войско обязывалось выставлять на действительную службу (постоянную): Л. гв. Уральский казачий эскадрон и 1-ю учебную Уральскую сотню (в г. Уральске).

Уральские казаки, обсудив новое положение, начали устраивать совещания и сходки, где открытым образом выявляли свое недовольство новыми мероприятиями русского правительства, стремившегося уничтожить последние остатки казачьей самостоятельности, еще сохранившейся в Уральском войске, не в пример остальным казачьим войскам. Казаки опасались, что у них отнимут р. Урал, и переселят к ним российских крестьян, которым будет отдана войсковая земля и луга. «Кровью мы приобрели Яик (Урал) и нашу землю, кровью и продадим их», утверждали казаки, отказываясь подчиняться велениям правительства. В это же время комендант г. Уральска разослал по всем станицам и форпостным школам буквари, причем молитвы, помещенные в букварях, были напечатаны на русском языке и сопровождались соответствующими об'яснительными текстами в духе православной церкви, равно как и различные изображения крестного знамени. На первой странице букваря был изображен четырех-конечный крест с сиянием в пресечении, который Уральские казаки называли «латинским крыжем». Казаки, возмущенные рассылкой подобного букваря, решили, что комендант г. Уральска оказывает на них давление, стремясь заставить их молиться троеперстно и предлагает им поклоняться кресту четвероконечному вместо поклонения осьмиконечному кресту «истовому». Волнения в Уральском войске начинали принимать грозный оборот, ибо казачки требовали категорическим образом от своих мужей и сыновей, чтобы они не подчинялись велениям русского правительства, усовещая их: «лучше пострадайте мученическою смертью, а не губите своих душенек». Казачки грозили казакам муками ада в случае принятия нового положения, и сулили вечное неизбывное блаженство в обратном случае. Среди казаков распространялись слухи, что всех детей отберут и увезут от родителей, взрослых девиц отправят на кораблях в Англию, всех служащих казаков оденут в солдатское платье и всем казакам обреют бороды...

«Главная мысль, которою руководствуется Военное Министерство в предположениях о преобразованиях в казачьем войске, состоит именно в том, чтобы об'единить сколь возможно, казачье сословие с другим совместно с ним обитающим населением под одним общим гражданским управлением, сохранив отдельность в военном устройстве казаков, в собственном хозяйстве войсковом и военной администрации», писал военный министр ген. Д. А. Милютин, представляя Александру II отчет по Военному Министерству за 1868 год. С поразительной точностью все мысли военного министра ген. Милютина, были выражены в вновь изданном положении для Уральского войска. Учитывая вольнолюбивый дух Уральских казаков, неоднократно выступавших с оружием в руках против русской имперской власти, русское правительство решило «приручить» казаков постепенным образом к «регулярному порядку». Так в 1870 году к Уральскому войску был впервые применен дисциплинарный устав, на-

ряду с остальными казачьими войсками. В 1874 году русское правительство, вводя новое положение в Уральском войске, не решилось ввести широкие ограничения в экономической области, боясь широкого возмущения со стороны казаков, почему полным хозяином в экономической жизни Уральского войска являлся Войсковой хозяйственный с'езд, причем в распоряжение последнего не имели права вмешиваться ни Наказной Атаман, ни войсковая администрация. Ограничившись «малым посягательством» на свободное землепользование и войсковое рыболовство, русское правительство сосредоточило главный удар на реформе воинской повинности для Уральских казаков, однако не рискнув уничтожить древний обычай «наемки» казаков на службу...

Приказ Александра П. ...«ни одного казака в Наказные Атаманы не представлять, и казаков Атаманами не назначать»... проводился в Уральском войске с холодной рассчетливостью и поразительной методичностью, стоит взглянуть лишь на список Наказных Атаманов неказаков, назначавшихся в Уральское войско: полк. В. О. Покотилло (1830-1838), полк. М. Л. Кожевников (1838-1845), ген. м. К. Л. Геке (1845-1857), ген. А. Д. Столыпин (1857-1862), ген. м. В. Д. Дандевилль (1862-1864), ген. м. М. Н. Толстой (1864-1865), ген. м. Романовский (1865-1866), ген. л. Н. А. Веревкин (1866-1876), ген. л. князь Г. С. Голицын (1876-1885), ген. м. Н. Н. Шинов (1885-1893), ген. л. К. К. Максимович (1893-1899), ген. л. К. Н. Ставровский (1899) и т. д.

Не желая подчиняться произволу Петербурга, Уральские казаки, защищая свою вольность, стремились облечь право владения р. Уралом в юридическую форму. Говорили о т. н. «владенной» грамоте царя Михаила Федоровича, признавшего за Яицкими (Уральскими) казаками право на владение р. Яиком (Уралом) и его территорией. Невзирая на существовавшее предание о том, что эта грамота сгорела во время пожара Яицкого городка в 18 столетии, старики утверждали, что «владенная» грамота на р. Яик (Урал), была спасена диаконом Михайло — Архангельского собора во время пожара и, зарыта им в землю в чугунном ящике.

В июле 1874 года и. д. Наказного Атамана ген. м. Бизенов сообщил командующему войсками Оренбургского военного округа, что к нему явились казаки Ботов и Кирпичников, назвавшиеся выборными от Уральского войска, которые подали ему записку от имени казаков, требовавших: 1) отменить учебные сборы льготных казаков, 2) упразднить учебную сотню, 3) отменить воспрещение казакам поступать на действительную службу, прямо по зачислении в строевой состав, 4) не обязывать всех казаков полевого разряда иметь на льготе строевых лошадей и все необходимое на службе вооружение и снаряжение, 5) не разделяя казаков на полки оставить их в прежнем составе, а полковых и сотенных командиров назначать при командировании на службу полков и сотен.

И. д. Наказного Атамана ген. м. Бизянов, отказавшись признать Ботова и Кирпичникова уполномоченными от Уральского войска, заявил им, что никаких допущений в изменении нового положения о воинской повинности не может быть допущено, добавив, что дает им известный срок на размышление, с тем чтобы по окончании последнего Ботов и Кирпичников явились к нему с просьбой об уничтожении поданной записки. Внушение, сделанное ген. Бизяновым, не оказало должного воздействия, ибо с окончанием срока Ботом и Кирпичников явились к ген. Бизянову и заявили, что остаются при прежнем мнении. Возмущенный ген. Бизянов приказал арестовать их и отправить в Оренбург.

В виду того, что большая часть казаков, принимавших участие в поданном заявлении, находилась в станицах Красной, Кругло-Озерской, Трекинской и Чаганской, Оренбургский генерал-губернатор командировал с целью раз'яснения казакам о невозможности изменений в изданном уже положении — ген. Бизянова в ст. ст. Кругло-Озерную и Чаганскую, в ст. Трекинскую — полк. Мартынова, члена совещательного комитета при главном управлении иррегулярных войск, в ст. Красную — полк. Темникова и д. Атамана Уральского отдела. Казаки однако не поддались на увещания посланных старшин, и стояли на сохранении всех старых порядков, существовавших в Уральском войске до введения нового положения.

Шесть станиц ближайших к г. Уральску отказались произвести выборы депутатов на Войсковой хозяйственный с'езд, долженствовавший функционировать согласно нового положения об общественном и хозяйственном управлении Уральского войска. Более того, когда начальство потребовало письменное обязательство от казаков в том, что они принимают новое положение, последние категорическим образом отказались подчиниться требованиям начальства!!! Репрессии со стороны последнего не замедлили последовать, 7-го сентября 1874 года в г. Уральск прибыл 1-й Оренбургский линейный баталион и штаб-офицер, назначенный для производства следствия. Вслед за ними в г. Уральск прибыл ген. м. Зверев, начальник штаба Оренбургского военного округа и, наконец, сам ген. Крыжановский, Оренбургский генерал - губернатор. В результате последовавших арестов было арестовано всего 28 казаков, которые были преданы военному суду при обвинении «за упорство и подстрекательство других казаков в неповиновении властям». Военный суд приговорил означенных казаков в числе 11 человек к ссылке на каторжные работы, в числе 17 человек на поселение в Сибирь, что и было приведено в исполнение 17-го сентября 1874 года.

Особняком было выделено дело казака Якова Гузинова из Бударинского форпоста, Калмыковского отдела. Гузинов обвинялся в том, что, отказавшись от принятия нового положения, использовал силу своего нравственного влияния раскольничьего духовника, именно, устранял казаков подчинившихся новому положению — от участия в общей молитве с ним (Гузиновым), отказывал им в разрешительной молитве на первой неделе великого поста и внушал, что казаки, принимающие новое положение, принимают тем самым антихриста. Влияние Гузинова на казаков имело очевидные последствия, ибо из всего Бударнинского форпоста лишь один казак Раставин подчинился введению нового положения. По решению военного, суда, Гузинов был отправлен в г. Оренбург, бит «кошками» на эшафоте и выслан в Сибирь.

Опасаясь вооруженного восстания казаков, Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский ввел новые пехотные части из состава Оренбургского гарнизона в пределы Уральского войска, причем солдаты были размещены на постой в г. Уральске и станицах на квартирах наиболее виновных казаков. Сверх того казаки обязаны были нести расходы по содержанию пришедших регулярных войск, по найму помещений для арестовываемых казаков, по довольствию их пищею и т. д.

Возмущенные казаки решили искать защиты у самого царя, сообразно чему выбрали уполномоченными от всего Уральского войска — казака Кругло-озерной станицы Федора Стягова и казака Царево-Никольского форпоста Евстрата Гузинова, которые должны были добраться к царю, и передать ему лично в руки прошение с протестом против введения нового положения в Уральском Войске. Стягов и Гузинов сумели пробраться в Крым в Ливадию (царская летняя резиденция) и подать прошение об отмене положения. Но царь не принял прошения и направил последнее к Оренбургскому генерал-губернатору, Стягов и Гузинов были арестованы и отправлены в г. Уральск, где были преданы военному суду при особо учрежденной временной комиссии. Многие из казаков, которые стремились видеть арестованных уполномоченных от войска, были арестованы в количестве 50 человек, и в ноябре 1874 года высланы с войсковой территории на поселение в Сибирь.

В январе 1875 года военный суд при особо учрежденной временной комиссии опубликовал следующее постановление: «Отставных казаков Кругло-Озерной станицы Федора Стягова и Царево-Никольского форпоста Евстафия Гузинова, как оказавшихся в чис-

ле главных деятелей, по возбуждению в войске неповиновения властям, при введении в действие утвержденного 9 марта 1874 года положения о воинской повинности и общественном войсковом хозяйственном управлении, позволивших себе распространять ложные слухи и нелепые рассказы о правах войска, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжную работу и на заводах на восемь лет каждого, с приведением над ними в исполнение обрядности по силе 1040 статьи 25 уст. военн. судебного». Постановление военного суда в отношении Уральских казаков Федора Стягова и Евстафия Гузинова, было утверждено Оренбургским генерал-губернатором Крыжановским 28 января 1875 года, после чего Стягов и Гузинов были доставлены в г. Оренбург, где были биты «кошками» на эшафоте, после чего последовало отправление их на каторжные работы.

Уральский Наказный Атаман ген. Н. А. Веревкин, учитывая настроения казаков, потребовал от Оренбургского генерал-губернатора дальнейшей присылки новых регулярных войск в г. Уральск в помощь находившимся там драгунам и линейным солдатам. В соотвествии с указанным, из г. Саратова были присланы в г. Уральск несколько батальонов Кутаисского пехотного полка, дабы обезпечить начальству возможность дальнейшей расправы с казаками!!!

«Послал нам Господь злые власти;
Стали делать перемену,
Веры Христовой измену.
Лишимся, братие, мирских сластей.
Станем против злых властей!»

— пели казаки раскольники специальную песню, составленную в связи с вопросом о введении нового положения в войске. «Злые власти» в лице Оренбургского генерал-губернатора Крыжановского, Уральского Наказного Атамана ген. Веревкина и коменданта г. Уральска, арестовывали беспощадным образом казаков и сажали их в тюрьму за подобное пение. Уральский Наказной Атаман ген. Веревкин приказал православным священникам оказывать воздействие на настроения казаков... и священнослужители выполняли эту миссию. «Все сословия благословенной России с покорностью приняли новое положение о воинской повинности, одни только мы противимся», убеждал казаков протоиерей Назаров при освещении храма в Чаганском форпосте, заканчивая свою проповедь следующими словами: «Вы по своей простоте и неведению, думаете, что все это делается не по царскому велению, думаете только по желанию местного начальства, не верьте и этому! Кто осмелится злоупотреблять именем царя? — Возможно ли, чтоб от Высочайшего имени обнародовались и приводились распоряжения и преобразования, на которые бы предварительно не последовало Высочайшего утверждения и соизволения? — Кто знаком с нашим государственным строем; и с узаконенным у нас порядком, тот никогда не поверит этому. Настоящее царствование ознаменовалось целым рядом реформ, направленных к благоденствию всех без исключения верноподданных и нам ли не отдать себя всецело отеческой мудрости и попечению нашего обожаемого Монарха и Отца! Нам-ли не повиноваться его державной воле?! — Всмотритесь, наконец, в прошлое. В истории нашего войска вы найдете в этом отношении немало поучительного. Наше прошедшее вам с очевидностью докажет, какие печальные последствия за собою влекли бывшие у нас прежде смуты и волнения... Но и архипастырские поучения по казенному заказу не производили должного впечатления на казаков.

В феврале 1875 года три казака прибыли в Петербург, и подали от имени всего Уральского войска прошение наследнику Александру Александровичу об отмене нового положения, и об освобождении арестованных и сосланных Уральских казаков. 11 февраля 1875 года, по личному распоряжению царя, казачья депутация была арестована и под сильным конвоем была препровождена этапным порядком из Петербурга в Оренбург, причем Оренбургскому генерал-губернатору было приказано наказать примерным образом членов депутации и заставить казаков принять новое положение.

Рапортом от 30-го октября 1874 года Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский возбудил ходатайство о выселении из пределов войска всех казаков, пользующихся влиянием и противодействующих введению нового положения. Генерал Крыжановский избрал наилучшим местом поселения для высылаемых казаков — киргизскую степь!.. Сообразно этому, Крыжановский считал нужным на первый раз выслать 40 казачьих семейств, из которых образовать четыре поселка на торговом тракте от г. Троицка через Урдабай и Тургаю, и на почтовом тракте из Орска в Казалинск, считая, что переселение должно состояться на средства самих казаков. 17 декабря 1874 года царь утвердил доклад ген. Крыжановского, и повелел приступить к выселению всех неповинующихся Уральских казаков в Туркестан на р. Аму-Дарью, но не в киргизскую степь, ибо считалось, что находясь там, казаки могут оказывать вредное влияние в виду непосредственной близости на Оренбургских и Уральских казаков.

19 апреля 1875 года последовало царское повеление о лишении переселяемых казаков казачьего звания и исключения навсегда из состава Уральского войска. 28 мая 1875 года первая партия в составе 147 казаков под конвоем пехотной роты, была выведена из г. Уральска и отправлена этапным порядком в Туркестан. Казаки, отойдя три версты от Уральска, отказались идти далее. По приказанию Наказного Атамана, конвойная рота применила оружие, причем несколько казаков было ранено, после чего партия выселяемых казаков под угрозой солдатских винтовок двинулась в дальнейший путь.

Безпорядки среди казаков продолжались с возрастающей силой сопротивления; казаки категорическим образом отказались давать деньги на содержание солдатских полков, расквартированных в г. Уральске и станицах. На учебные сборы в мае 1875 года, определенные согласно нового положения, из 2556 казаков вызванных по списку – явилось всего лишь 1403 человека. Вследствие открытого сопротивления, доходившего до вооруженных столкновений с солдатами, были произведены аресты 262 казаков, путем применения оружия 304 казака были привлечены силою к отбытию учебных сборов, а 588 казаков не могли быть розысканы полицией «за отлучкой из места жительства».

Специально образованное совещание в составе военного министра, министра финансов, министра внутренних дел и шефа жандармов, определило, что все неповинующиеся распоряжениям правительства Уральские казаки из числа способных к труду, должны быть немедленно высланы из пределов Уральского войска в Туркестан, остальные, неспособные к труду по старости, увечьям, болезням и т. д., должны быть высланы в города и укрепления степных областей Оренбургского генерал-губернаторства. Это мнение особого совещания было утверждено царем 31 июля 1875 года.

Но казаки, несмотря на то, что были отправляемы партиями под сильным солдатским конвоем, сопротивлялись самым отчаянным образом. 8 июля 1876 года Уральские казаки всего в числе 106 человек (15 транспорт) устроили форменный бой в г. Орске, причем были приведены в успокоение лишь после схватки с двумя ротами солдат Орской местной команды, которые стреляя по безоружным казакам, потом их всех перевязали, причем несколько казаков и солдат были ранены. При следовании на пароходах по р. Аму-Дарье, Уральские казаки бросились за борт, плыли к берегу, скрывались в камышах, многие тонули в реке. Если пароходы садились на мель, казаки отказывались сдвигать пароходы с мели.

Рапортом от 2-го июля 1876 года на имя военного министра, командующий войсками Туркестанского военного округа генерал фон-Кауфман доносит: «Я всегда заботился о том, чтобы Уральцы были высылаемы во вверенный мне край не иначе, как с семьями. Я и теперь уверен, что, если-бы первая высылка

Уральцев состоялась согласно моей просьбе, то, не говоря о том, что они были-бы уже поселены и устроены, но не было бы необходимости делать высылку их в таких размерах, как ныне и столь неожиданно для Туркестанских властей. Если-бы первые высланные Уральцы были отправлены с семьями, то остальные, вероятно смирились бы. Произведет ли теперь высылка 145 семейств переселенных уже Уральцев то впечатление, какое произвела бы она в свое время, — сказать трудно: но поведение упомянутых Уральцев таково, что на Аму-Дарье пришлось 88 человек предать полевому суду, из коих 11 человек конфирмованы мною в каторжную работу, остальные же подлежат дисциплинарным взысканиям».

К августу 1876 года в Туркестанском округе находилось уже до 2000 высланных Уральских казаков, именно, в Петро-Александровске — 145, в Казалинске — 1293, в Форте № 2 — 50, в Перовском — 267, в Джулеке — 30. Все высланные казаки категорическим образом отказывались от выполнения каких либо работ, обнаруживали неповиновение и т. д.

8 сентября 1876 года на рассвете Сыр-Дарьинский губернский воинский начальник выстроив в Казалинске на площади перед крепостью — одиннадцать солдатских рот Джизакской, Казалинской, Каргиольской, Пенджакентской, Ура-Тюбинской местных команд и четыре сотни Оренбургских казаков, отдал приказ о выводе всех Уральских казаков на крепостную площадь для производства выбора к отправке в Самарканд, Адлиэ-ата и Туркестан. В четыре с половиной часа утра в помещения, занимаемые Уральцами казаками, числом более 20 человек, явились солдатские команды под командой офицеров, где было менее 20 казаков — под командой унтер-офицеров. Но... Уральские казаки повсюду отказались выходить из домов и оказали сопротивление, в солдат полетели из всех окон и дверей камни, куски дерева, гвозди. Началась кровавая схватка; солдаты, врываясь в дом, били казаков прикладами, штыками, в некоторых местах стреляли, казаки, отбиваясь кулаками, порой захватывали винтовки и обращали их против солдат. После четырехчасовой рукопашной схватки, сопротивление безоружных казаков было преодолено, все раненые казаки и солдаты были отправлены в Казалинский крепостной госпиталь.

Уральские казаки будучи приведены малыми группами на крепостную площадь, где была выстроена пехота с артиллерией, подняли сильный шум и бросились на солдат, стремясь их обезоружить. Снова завязалась рукопашная схватка, в каковой солдатам удалось взять перевес лишь с большим трудом. При произведенной перекличке не оказалось однако более 150 Уральских казаков, кои бежали из Казалинска в степь. Сыр-Дарьинский воинский начальник отобрал 264 стариков для отправления в Самарканд, 300 казаков для отправления в Туркестан и Аулиэ-ата, остальные казаки, в количестве 1100 человек, были временно заключены в Казалинской крепости.

9 сентября 1876 года, т. е. на следующий день, старики, назначенные к высылке в Самарканд, бросились на конвоировавших их солдат Джизакской и Педжакентской местных команд, и начали их избивать. С помощью подошедшего покрепления, старики были перевязаны, разбиты на малые группы и под конвоем солдат, державших винтовки на боевой изготовке, двинуты в путь. Но... Уральские казаки оставались верны своей чести, и шагая с завязанными назад руками, под прицелом солдатских винтовок, неустанно кричали: «По чьему распоряжению нас ведут, куда и зачем? Не хотим идти»... и бросались ничком на землю... Тогда Сыр-Дарьинский губернский воинский начальник, в ответ на донесение начальника конвойной команды, приказал арестовать и заковать в кандалы 19 стариков особенно упорствовавших, отдав распоряжение стрелять по казакам в случае крайности.

Из казаков, высланных в Туркестан, были сформированы военно-рабочие батальоны, где была введена военная дисциплина и действие военно-уголовных законов. К концу 1876 года в Туркестане находилось уже до 2500 высланных Уральских казаков.

С 1 августа 1876 года из Оренбурга начали отправляться в Туркестан и семейства Уральских казаков... тоже в ссылку. Есаул Стариков (историк Оренбургского казачьего войска), заведывавший выселенными Уральскими казаками в Аму-Дарьинском отделе, пишет о положении высланных казачьих семейств — следующее: «Бедность во всем, кроме тряпок и кое-какого платья, ничего не видно ни у кого. В домишках холодно, фанатики мужья, несмотря на постоянные подталкивания со стороны заведывавшего поселенцами, упорно отказывались собирать и изготовлять топливо. Мужчины, к которым пришли семьи, введены силой в дома, — остальные долго оставались под открытым небом и в дома входить не хотели».

«На днях пошлю роту, вдобавок к той, которая стоит в поселке, прикажу перевязать их и внести в дома: другого средства нет, иначе разведется много больных; и теперь уже есть достаточно лихорадочных, цынготных и т. п.; лечиться не хотят, от доктора отворачиваются, хотя последний обходит их еженедельно» — писал есаул Стариков в другом рапорте.

«Партия поселенцев с Урала под начальством есаула Бектеева, в поселок Первоначальный, прибыла 23 октября 1876 года в количестве 23 поселенцев, которые приняты в тот же день по именному списку; жен и поселенцев 97, детей обоего пола 223; последние, как жены, равно дети, имен и фамилий своих не сказали: на спрос мой отвечали, что они все Романовы. Предложил женам отправиться к мужьям, а детям к отцам, первые отвечали, что у них нет мужей, а у детей отцов». Тогда Уральские казаки были введены силой внутрь круга и им было предложено разобрать свои семейства. «Нужно было видеть — доносил есаул Стариков, — при этом замечательное упорство со стороны тех и других; не говоря уже про жен, ни один ребенок не выразил какое-либо волнение или движение, когда проходил мимо его отец: у последних не было замечено ни одной капли жалости или сострадания к своим полунагим детям, изнемогавшим от холода. Когда предложено было женам и детям войти в дома, хотя в те, которые не заняты их мужьями и отцами, последовал также отрицательный ответ»...

Железный дух Уральских казаков не угасал под тяжестью издевательств и репресий со стороны российской имперской власти. Казаки начали бежать из Туркестана обратно на Урал. В период с июля 1875 года по июль 1880 года из Туркестанского края бежало 278 казаков, и из Оренбургской губернии 116 казаков, причем из общего числа бежавших 394 казаков, 45 казаков бежали по два, а 4 казака по три раза. Казаки на Урале принимали бежавших и скрывали их.

Командующий Туркестанским военным округом доносил военному министру 27 апреля 1877 года: «Дисциплина в среде Уральцев поддерживается настолько, насколько лишь допускают имеющиеся за ними средства надзора. Главное ныне затруднение, в этом отношении состоит в установлении правильных отношений начальников этих команд к переселенцам. Уральцы упрямы и тверды в том убеждении, что они невинны, каждую меру, принимаемую даже в пользу их благоустройства, они принимают с недоброжелательством, иногда отвергают на отрез словами: « не желаем», «сомлевамся», и ничего другого добиться от них нельзя».

«Понятно, как трудно найти таких начальников для этих рабочих команд, которые бы имели достаточно твердости и строгости к ним, и имели бы столько такта, чтобы, без жестоких мер, могли заставить Уральцев подчиниться воле начальника. Найти людей с требуемым для сего терпением и выдержкою между строевыми офицерами почти не возможно».

30 мая 1881 года состоялся царский указ о возвращении на Урал из Туркестана тех из Уральских казаков, которые заявили раскаяние в оказанном ими явном сопротивлении начальству. Однако казаки не пожелали пользоваться «царской милостью» за исключением нескольких человек, ибо к октябрю 1883 года

в одном лишь Туркестане продолжали оставаться 2546 казаков и 572 семейства.

Вновь назначенный Туркестанский генерал-губернатор Черняев писал военному министру в декабре 1882 года, что он не может «терпеть долее в крае около двух тысяч людей, озлобленных, отважных по самой своей природе, и доведенных своим безвыходным положением до последней степени отчаяния, людей, которые с первых дней своего прибытия в край встречают тайное сочувствие не только местного русского населения и солдат, тайком делящихся с ними своим хлебом, но и среди кочевников киргизов, людей, признаваемых этим населением за невинных страдальцев, мучеников, людей благочестивых, нравственных, и потому влиятельных и авторитетных. Независимо от человеколюбия, ради уже обаяния имени русского государя в Средней Азии, неудобно оставлять около двух тысяч воинов, лишенными всех прав в крае, в покорении которого большая часть их принимала непосредственное участие.

По случаю празднования 300-летнего юбилея Уральского войска по ходатайству Наказного Атамана, 24 февраля 1891 года последовало распоряжение военного министра: «1) Высочайшую милость, дарованную 30 мая 1881 года Уральцам, сосланным административным порядком в Туркестанский край, в день празднования 300 летнего юбилея Уральского казачьего войска, распространить и на наиболее виновных в сопротивлении властям при введении положения о воинской повинности 1874 года, лиц Уральского войскового сословия, которые, как понесшие уголовные по суду наказания из'яты поныне из-под действия указанного Высочайшего повеления, и 2) со дня об'явления испрашиваемой Уральцами новой Монаршей милости назначить двугодичный срок для представления заявлений о полном раскаянии в содеянных проступках и преступлениях, как вновь помилованными, так и осчастливленными ранее сего Высочайшим прощением. По истечении означенного срока, обратное зачисление ссыльных в Уральское казачье войско прекратить, и за сим всех не из'явивших желания воспользоваться дарованною милостью, немедленно причислить к городскому или сельскому обществу места их ссылки...

Казаки пренебрегли и на сей раз оказанной «царской милостью», и не сдались, отказавшись подавать заявления о полном раскаянии «в содеянных поступках и преступлениях». Включительно до самого начала Великой войны в 1914 году, Уральские казаки подавали прошения на имя русского правительства, требуя их возвращения на Урал «без принятия нового положения.

Основная цель, заключающаяся в изложении настоящего очерка, — одна: представить казакам голую правду, которую так тщательно скрывали и продолжают скрывать от нас — сторонники казачьей «единонеделимческой мечты»... Учитесь, казаки, познавать самих себя через изучение истории своего народа. Прочтя настоящий очерк, не забывайте, казаки, что если мы многое испытали и испытываем, то и на долю наших отцов пришлось не мало, ибо корень зла — один!!!

Чиня расправу с непокорными Уральскими казаками в период 1874-1883 г.г., отстаивавшими основы своей самобытности, русское правительство прикрывалось «фиговым листком», производя якобы колонизацию Туркестана. Остается только жалеть, что в наше время существуют люди, которые безусловно знают о вышеизложенном, но тем не менее изливают «крокодиловы слезы» о том, что русское правительство не до конца использовало казаков. «Присоединив Туркестан, русское правительство сделало непоправимую ошибку, не поселив там казаков, и чему имелась полная возможность, охотников идти в новозавоеванный теплый край нашлось бы много, как среди казаков старых казачьих войск, так и среди солдат туркестанцев. Здесь надо было повторить мудрую политику предыдущих царствований, когда границы государства расширялись и осваивались продвижением казачьих частей» — писал не так давно ген. Акулинин, б. пом. Оренбургского Войскового Атамана (см. «Казачество», стр. 75. Париж. 1928).

Сумеют ли ответить казаки на поставленный вопрос, почему вся казачья печать молчит упорным образом о казачьей истории, и почему лишь один казачий журнал «Вольное Казачество» — восстанавливает казачью историю — «Летопись казачьей скорби и печали»!?

Думы и мысли

МОИ МЫСЛИ

Отступление. Крымская компания. Последний бой под Джанкоем. Масса конницы принимала участие в этом бою с обеих сторон. Ни один снаряд не пропадал даром. Артиллерия прекращает стрельбу, началась атака. Как морские волны колышатся конные массы. Отход. Артиллерия отстреливается на картечь.

Керчь. Эвакуация. В 5 часов расседлали коней, в 6 погрузились. Конец всему. Тяжело было на душе... Война проиграна, а почему?...

Турция. Лагерь Санжак-Топе (Чаталджа). Казаки молчали, но молчание их было угрожающим. Иногда слышны были резкие осуждения Краснова, Богаевского, Абрамова...

Через месяц записался в иностранный легион. Откровенно говоря, не потому, что другие записывались, а просто — воевать. Сирия. Алжир, Марокко, Тунис и вновь Сирия.

Много пришлось переиспытать и многому научиться. Пришлось ближе столкнуться и наблюдать иностранную жизнь, все сравнивать, присматриваться к порядкам, к способам вести колониальную войну. Много раз страдало казачье самолюбие. Были часто большие споры казаков с русскими. И не раз я слышал от простых казаков: «Если бы мы были соединены, то не были бы здесь». Как они понимали «быть соединенными» — не знаю, но факт, что они говорили и думали быть вместе **всем за одно.** И с казачьим презрением и ненавистью отзывались о своем бывшем противнике. Сколько мучительных воспоминаний о погибших братьях, о Родном Крае, об оставленных семьях!...

Часто в горах, на передовых постах, вся пройденная жизнь вставала перед глазами и много горьких и тяжелых дум было передумано. Но где же, наконец, был выход? И здесь, в легионе, братья казаки, я вас соединил в сердце моем в одно целое, могучее и неделимое! Вы вечны, вы закалены вековой борьбой за свое я и никакая наносная грязь не может вас загрязнить. И видел вас не на чужбине, но в Родных Краях, где каждый будет защищен, где вы будете счастливы (будущая Казакия). И все будут нести посильную лепту на служение Родине. Это к концу моей службы в легионе...

Дальше, нужно искать работу, чтобы жить (первый контакт со штатской жизнью). Марсель. Париж. Начал работать при лошадях по манежам... Присматриваясь к чужой жизни, много читая, — начал переоценку всего.

В борьбе за существование мне часто приходилось иметь общение с русскими всех классов. И какая разница между ними и простой казачьей массой... Сколько терпения, настойчивости и той непоколебимой энергии приложила простая казачья масса в борьбе за существование и сколько надежд было возложено все на тех же, кто однажды уже предал...

Невольно мелькают картины былого величия. Атаман Степан Разин с его боевым кличем — «Сарынь

на кичку». Ермак, Булавин, Пугачев... Старая Запорожская Сечь... Национальная война 1918 года... Сколько легендарных героев умерло за свой Родной Край! И сколько было пролито крови казачьей за свои родные реки! А за что? А тыл? Сколько предательства, подлости и трусости!

Меняются картины одна за другой. Вот передо мной стоит казачка на чужой земле и точно с немым упреком смотрит на меня: Что-ж вы сделали, казаки? И столько горя было видно в ее глазах. Далеко от родных, далеко от родного Края... Что я мог сказать ей в утешение? Тяжело было на душе... А сколько таких сценок, которых никогда не хотелось бы видеть!.. И будьте вы прокляты, предатели Казачества, заведшие нас заграницу... Не думаю, что легка вам будет чужая земля.

Века идут за веками, одни народы уступают место другим в вечной и беспощадной борьбе за свое я. История никогда не меняется, но она повторяется. Жить могут только сильные духом, слабые уходят или растворяются. И сколько казачье Дикое Поле видело проходивших народов! Но вы, братья казаки, остались лишь благодаря вашему могучему духу, с которым ни один народ не может сравняться. Ведь для вас свобода была все. И будет. И никакие богатства земные не могут сравняться с ней. И никогда наши деды и прадеды не продавали ее.

Самая страшная трагедия Казачества в том, что оно не имело своей интеллигенции. Не той, которая вечно болтается в хвосте, а той какая идет впереди своего народа...

Жизнь это лабиринт беспощадной борьбы, но везде есть и широкая прямая дорога. Надо уметь ее только найти и расчистить...

Хотелось бы мне перенестись душой в наши Родные Края, где веками Казачество несло на алтарь служения своей Родине столько беспримерных по мужеству и настойчивости жертв. Сколько крови пролило, сколько горя и слез прожило, сколько беззаветной любви выявило оно за свой родной угол и хату! Сколько безумной храбрости было проявлено всеми от мала до велика... А что делалось и делается сейчас там?..

А разве во имя Христа и любви к ближнему казаки отказывали кому нибудь в помощи?...

Хотелось бы мне, чтобы в. казаки меня поняли. Ведь... с первым выпуском нашего национального журнала была об'явлена война, война вековая Казачества за свою свободу, началась борьба добра против зла.

История нам дает сейчас момент, который следует использовать во что бы то ни стало. Несмотря ни на какие преграды, нужно достичь своей цели! И не хочу преувеличивать — Казачество должно быть освобождено и об'единено — теперь или никогда.

«Черный Всадник» должен с великой любовью, самоотверженностью, полнейшим отречением от всех благ сего мира, отдавши всю свою жизнь на служение своего народа, с большим терпением воспитывать своего младшего брата, сделать его сильным, непобедимым в борьбе народов. Очистивши путь перед ним надо указать ему истинную дорогу — широкий казачий Шлях. Подготовивши его, закаливши его жестокой бесчеловечной школой, дать ему идеал: Казакия — выше всего. Вся твоя жизнь должна быть служение Родине.

Я не хочу зла никому, но если меня убивают, то я защищаюсь и хочу так защищаться, чтобы и будущие поколения теперешних врагов моих даже боялись бы подумать напасть на меня.

«Черный Всадник» должен быть очень осторожным, но... горе тому и той нации, которая не умеет защищаться, не умеет жертвовать собой в нужный момент... А тот, кто боится пачкать руки в крови, защищая свое, тот трус и заранее побежден, а с ним и тот, кто верит ему. Бросить действительно боевой клич сейчас — время. Все, кто казак душой, сердцем, чувством и умом — все под знамена «Ч. В.»

...Надо привлечь немедленно на работу тех, кого нужно, чтобы написать, вернее записать вековую борьбу Казачества, вековую боевую историю его, напоминая и не забывая ничего с тех пор, как человек начал отмечать свои мысли, излагая их письмом, и то, что записано человечеством о казаках. Надо создать отдельные специальные ячейки, роль которых вспомогательная: записать, насколько позволяет материалы в этом направлении, все боевые подвиги казачьи... Записать подробно с того времени, когда казаки начали действовать вместе с «русскими братушками» в той или иной войне, не зыбавая и единичных подвигов. Надо подробно перечислить легендарные подвиги в войну 1914 года и нашу национальную войну 1918 года. Надо перечислить всех общественных деятелей, кто словом и делом продолжал служить своему народу. Не следует никогда забывать роль казачьей старшины, касаясь в то же время исторических ошибок Казачества в его внутренней жизни того или другого момента борьбы. Следует вспомнить как построили жизнь наши предки и насколько был силен фундамент казачьего дома. Беспристрастно подводя итоги, взглянувши на историю народов, поймем величину и своего казачьего дома...

Всевышний оставил нам жизнь ни для того, чтобы ее тратить на мелочи, а для того, чтобы служить своему народу.

Братья казаки, выше вас для меня ничего нет. Но, запомните раз навсегда, что каждое Войско не может существовать отдельно: ни Дон Седой, ни Кубань, ни Терек, ни Урал...

Вы единственный народ, который во имя Христа протягивал руку слабому и угнетенному и вы единый народ, который не забыл заветы Христа и наших седых Атаманов. Жертвы за свой Родной Край не бойтесь никогда и не обращайте внимания на предателей Казачества. Идите все под наше знамя «Черного Всадника» и помните, что Бог дал нам жизнь и возложил задачу освободить Церковь Христа и казачью родину...

Да, ужасна была «Трагедия Казачества». Сколько казачьей молодежи, воспитанной в русском духе, в грозный для Казачества час не служило ему. И только простая казачья масса отдала все для защиты своей Родины. И сколько благородства и бесконечной любви к своему Родному Краю было проявлено в этой героической борьбе. Казачья же интеллигенция и офицерство дали очень и очень мало на борьбу за свое, т. к. стояли больше за чужое, т. е. стояли на низком уровне казачьего национализма.

Не достаточно окончить высш. учебн. заведение и занять какой либо пост в администрации или армии, но нужно знать и многое другое, иначе работа не принесет никакой пользы. Прежде всего, казак интеллигент должен иметь хорошее политическое образование, такое, чтобы вся его жизнь протекала исключительно в служении своей родине, своему народу. Заниматься и делать политику — это значит защищать Родину.

Роковой и грозный час для Казачества настал. Это — смертельная дуэль с «бывшим трехсотлетним домом Романовых»... Красный хам забыл все божеское и человеческое; как никто и никогда, проявляет он лик зверя. Как здесь, так и там они аплодируют уничтожающим Казачество. Вы представляете, с каким народом мы имеем дело? — У него нет ни совести, ни чести, ни веры. Он забыл все. Там он истребляет Казачество, а здесь даже рады этому и находят, что большевики делают прекрасно...

Да, страшная Трагедия Казачества... А ведь многие из казаков и не отдают себе в этом отчета, не видят, что «святая Русь» давно решила уничтожить Казачество... Как это не странно, но они потеряли всякое национальное чувство, достоинство и мужество...

«Черный Всадник» должен освободить Казачество, собрать его и усилить. К достижению этой цели не должно быть преград, все должно быть сметено на пути к этой цели...

Павел Захаров (В. В. Д.)

(Продолжение следует)

Сергій Савицький.

КОЗАЦЬКИМ МОСКВОФІЛАМ

1.

О, лаптю, плетений в узори,
Ти, символ Русі, милий нам.
Тебе ми маєм на прапорі
На пострах вільним козакам.
Ми всі любов до лаптя маєм,
Під ним ми будемо служить.
Козацтво Вільне зневажаєм,
Що вже в ярмі не хоче жить.
Гей, хто не зрадив ще кацапам:
Лети, іди, хоч рачки лізь
Під славний руський з лика лапоть,
Що нам утіхою є скрізь.

2.

Ми всі, так звані легалісти
З під марки «руських» козаків,
Самі на віз не хочем сісти,
Який вже тягнем ряд віків.
На нім сидить сама Росія!
О, як її нам не возить:
Вона-ж усіх славян — Месія...
Ярма нас ганьба не разить.
О, ти, москалю прехороший,
О, любі серцю кацапи,
Ви дайте нам хоч трохи грошей
Й за вас ми підем до борьби.
О, підем в бій за Русь Єдину
І її ми гордість. Кацапи,
Сідайте нам хоч і на спину,
Не скинем вас, бо ми — раби.
Не хочем ми у чистім полі
За волю прапір піднімать.
Нам, легалістам, пощо волі:
За лапоть будемо вмирать!

3.

Гей, московскії охлапи,
Що нам кидають кацапи,
Ви миліші нам за волю
Й за козацьку кращу долю.
Ми, козацькі легалісти,
За кацапів будем лізти
Чи в огонь, чи там у воду,
Бо-ж ми рабського є роду.
Ми, служили їм віками...
То нічого що з торбами
По чужині тепер бродим:
Скрізь кацапів ми знаходим.
Без кацапського дозволу
Не відірвемось ніколи
Ми від мачухи Росії,
Що для нас скрізь тюрьми сіє.
Ба за нашими плечами
Кацап блискає очами —
Хоче світ ввесь загорнути,
Вільних в рабство обернути.
Козак користь з того має:
Вічно кров'ю підпливає!
А там, дома у станиці,
Плачуть діти і вдовиці!...
Гарна користь, що й казати,
Бо й пером не описати...

Казачья эмиграция

В. К. в Югославии

ПО ВК ОКРУГУ

1. Согласно сношения № 45 Панчевского в. к. куреня впредь таковой именовать: «Панчевский вольно-казачий имени Бардижа хутор».

В хуторские и окружные списки зачислить казака ст. Урупской **В. И. Енина.**

2. Согласно постановления общеказачьей студенческой станицы из ее списков и ВК округа в Югославии исключается **Евангел Перфильев,** студент.

3. Всем атаманам и казакам, бывшим на ВК Круге в Югославии, от имени своего и окружного правления выражаю искреннюю благодарность за подлинно вольноказачье отношение к нашему общему делу. Верю, что все нами сделанное послужит на славу и процветание Казачества.

Слава Казачеству!

Окружной атаман **П. Поляков**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 12.

Мы, нижеподписавшиеся, вольные казаки Рябоволовского хутора, быв сего числа на хуторском сборе, под председательством хуторского атамана Е. М. **Кичкаря,** выслушали доклад нашего делегата на ВК Круг **И. Н. Шевченко** о работах Круга, заседавшего 28 и 29 апреля с. г. в городе Белграде.

Вступив в ряды ВК, мы информировались лишь чтением нашего журнала «ВК» и газеты «За Казачье Имя», но для полного ознакомления с вольноказачьей программой этого для нас было мало, а к тому же еще и разного рода нападения на наш ВК Центр со стороны казаков, отколовшихся от программы выше названного Центра, по причинам для нас не известным, заставляли нас призадумываться. Но выслушав с большим вниманием доклад нашего делегата, уделившего большое внимание членам окружного правления, в наши сердца вник дух бодрости, стойкости и непоколебимости. Обменявшись мнениями, единогласно постановили:

1. Ни в какие сношения и об'яснения с противниками Вольного Казачества не входить.

2. Лиц, старающихся внести разложение в ряды ВК, считать изменниками и предателями своего родного Казачества. (Это касается только казаков, что же касается Ваньков, то об этом каждый казак знает, как они «идут нам на руку»).

3. Сердечно благодарить членов окружного правления во главе с его атаманом г. Поляковым за понесенные ими труды по созыву ВК Круга, который показал, что не все казаки ушли в услужение к помещикам младоросско-кирилловского государства, а есть сильные духом казаки, которые, не дрогнув и не моргнув глазом, смело пойдут на эшафот и положат на плаху свою голову, если это потребуется для спасения Казачества. Такие казаки находятся только в рядах ВК — казаков-националистов. Еще раз говорим вам спасибо, наши дорогие братья за выполнение вами выпавшей на вашу долю тяжелой работы. Дай Бог вам сил и бодрости продолжать начатаое дело до победы, в каковую мы верим и мы победим.

4. Точно выполнять все распоряжения, исходящие от окружного правления ВК округа в королевстве Югославии.

5. Выразить сердечную благодарность всем вольным казакам групп, куреней, хуторов и станиц за то, что они с искренним чувством отнеслись к призыву своего окружного атамана, послав своих делегатов на ВК Круг и что голос атамана не остался гласом вопиющего в пустыне.

Слава вольно - казачьему вождю **И. А. Билому**, слава его помощникам, слава всем вольным казакам!

Все изложенное своими подписями и приложением хуторской печати свидетельствуем. Мая 16 дня 1935 г. Грделица.

Хуторской атаман **Е. Кичкарь**, помощник его есаул **Дронов**, казначей **И. Пучинин**, писарь **И. Шевченко**. Члены хутора: **И. Москаленко, Петр Лукирич, К. Зармухамбетов, П. Лега, Е. Камлацкий.**

СИРОТЫ НАУМЕНКО

Как известно, в Белграде произошло недавно выделение группы казаков из станицы Сидора Билого, атаманом которой и до настоящего времени является П. И. Курганский. Выделение это — результат политических несогласий двух сторон в станице — самостийной, в состав которой входили самостийники и терпимо относящиеся к ним казаки «неизвестной», политической ориентации, с одной стороны, и с другой — казаки явно нетерпимо относящиеся к казакам националистам.

Вторые, ничему не научившиеся за 15 лет, а лишь укрепившие безапеляционные «так точно», «никак нет», «прикажите», «чево извольте» и т. п. не желавшие присутствия в станице вольных казаков, получив благоизволение мирно почивающего под покровом русского сокола г. Науменко выделиться в особую станицу, — выделились и решили «действовать с места в карьер». Прыткость эта выявилась особенно после известного поражения генералштабных мудрецов, когда вопреки злобой пропитанным намерениям руссофильской партии в станице, на перевыборах взяли верх казаки, не кланяющиеся «генштабам».

В эмиграции деятельность таких групп, для которых по их крайнему разумению политика «вред» и «зло», ограничивается только благотворительностью. Средством для создания последней чаще всего является хор певчих, который своими публичными выступлениями надеется на приобретение некоторых сумм. Организовали хор и русские казаки — науменковцы и, хлопотами своих ближайших «начальников», добились разрешения устроить благотворительный концерт в зале студии русского дома. Цель, конечно, заслуживает похвалы, но жалкие средства к ее достижению, ее не заслуживают. Упущено одно и самое маленькое: для того, чтобы хор выводить на суд общества, надо подобрать соответствующие голоса и соответствующим образом их обработать, — словом — подготовиться.

Судя по тому, что о знаменитом выступлении было об'явлено в местных газетах, устроители рассчитывали и на многочисленную публику и, надо полагать, на присутствие, по крайней мере, одного из критиков местного музыкально - художественного мира. К общему счастью нас, казаков, ни один из них не пришел... Поднял бы казачье имя! Он бы не разбирал, что это «любители», «благотворители», «не задающиеся высокими целями», как оправдывались устроители, а он бы так смотрел: об'явили в печати — приготовьтесь выдержать критику.

Правда, разбирать хор с точки зрения музыкальной просто невозможно: тут хор не выдерживает никакой критики. С такими певцами можно фигурировать только в своем «домашнем» кругу, но не выставлять его как хор, да при том казачий.

Не обижайтесь, станичники, говорю это для того, чтобы вы задумались хотя немного и оценили самих себя в надлежащей степени. Давайте стараться этим высоким национальным именем прикрывать лучшее, возвышающее его, а не то, что вызывает всего лишь усмешки на лицах тех «друзей» — русских, которых сторонники генштабистов пригласили на концерт.

Благодаря несознательной слепоте небольшой группы казаков, выделившихся в новую станицу, играющие в «начальство» продолжают держать около себя редеющий кадр верноподданных и тем самим обезличивать их, как казаков.

Прискорбно смотреть на это явление, как и на самый «концерт» с его характерной программой, лишний раз подтверждающей, что эта группа ничему не научилась за годы изгнания.

И в самом деле: противники самостийного течения, а в последнем отделении пропели «Бьют пороги» и «Ревуть стогнуть». Продолжали бы уж как и начали — с воспевания «московских святын», «несокрушимой святой Руси»... Ведь как лихо, с каким воодушевлением хватили:

«Гроза нависла над Россией,
Наш долг зовет спасать ее».

А Кубань?!... А казачьи Земли вообще?!!! Забыли их?!... Забыли ту грозу, что ветры северные нагнали к нам на благодатный юг?!... Чей же долг спасать Казачьи Земли от осквернившего их русского лаптя, который 15 лет топчет нашу кровью казачьей политую землю?!... Неужели вы не слышите стонов с далеких Соловков? Неужели не чувствуете теней павших за казачью Свободу, за независимость. Что вы — слепые, глухие, или просто отказавшиеся понять, что не подобает казачьему хору петь:

«Боже славный, Боже сильный,
Нам Россию сохрани».

Ведь нельзя сказать, — чтобы вы не понимали, не сознавали своей вины, что вы потеряли совесть? Правда, может быть это нужно об'яснить страхом, что при встрече со мной на концерте многие, кто высокомерно проходил мимо меня на улице, подходили с извиняющейся улыбкой и здоровались, а г-н войсковой старшина Калягин даже в обе руки подошел и взял мою руку. Если это даже и страха ради, что о вас напишут в самостийной прессе как о казаках не на должной высоте (а просили многие не писать!), то и это хорошо. Значит, можно надеяться, что вы когда-то проснетесь совсем и перестанете быть трусами, поддерживающими тех, кому вы нужны только для того, чтобы чувствовать себя начальством.

Скорее просыпайтесь и пойте только о Воле казачьей, о Свободе, о казачьем государстве, если хотите остаться казаками. Пойте казачьи старинные песни, служащие достоверейшим документом нашего прошлого, а не те, что сложили наши враги и предатели... Не знаете их, или боитесь Штрандмана, Науменко, Соламахина — русских соколов?!... Не знаете — приходите к нам, научим. К нам двери раскрыты, заходите, очистим налет чужого влияния на свободолюбивую казачью душу. Если же боитесь, пресмыкаетесь, то не называйтесь казаками, — это имя Народа, а не рабов!

Николай Букин

В. К. в Болгарии

УСЛЫШЬТЕ И НАШ ГОЛОС

Многоуважаемый станичник редактор!

Не откажите в любезности на страницах уважаемого мною журнала поместить нижеследующее маленькое дополнение к письму станичника Н. Ковалева, помещенному в № 174.

Станичник Ковалев написал правду, но не всю (т. к. писал он очевидно еще до нашего с'езда). Не написано там, как г. окр. атаман Кудинов насмехался над журналом «ВК». Для меня это было очень обидно. Может быть для г. Кудинова «ВК» ничто, но для меня это святыня. Госп. Кудинов говорит, что журн. «ВК» стал очень бледный и не содержательный. Он даже внес предложение на 2-ом с'езде, что надо снять буквы ВК, а на их место поставить К. Н. Один из делегатов осадил его, говоря, что не следует давать козырей врагам... Были и еще неприятности. Когда Югославский Круг прислал поздравление нашему 2-му окр. с'езду, то г. Кудинов и ат. Казанлыкской станицы тоже начали насмехаться, говоря, что там не могло быть Круга, что там их собралось 2 человека и об'явили себя Кругом. Тот же делегат и на этот раз заметил им, что так насмехаться неприлично, т. к. если они посмотрят на наш с'езд, то нас не будет и 2 1/2 человек, по сравнению с ним. Действительно, теперь мы знаем, что там было 78 делегатов, а у нас 25,

из них 3 слушателя, 2 «летчика», 13 человек из одной Софии (из них 7 чл. правл.), а из провинции было всего 7 законных делегатов.

По моему, братья вольные казаки, лучше не насмехаться нам одни над другими, а бросить все кляузы и сплотиться всем в единое ВК движение около Парижского Центра и взяться за работу освобождения наших Казачьих Краев и создания Великой Казакии.

Слава Казачеству!

Делегат 2-го с'езда в. к. нац. в Болгарии

М. Туроверов

1-6-1935.

От ред. Как теперь уже известно, из 9 старых ВК организаций в Болгарии, 4 организации на 2-й с'езд делегатов своих не послали совсем.

Должны отметить здесь своеобразную тактику «оппозиции»: привлекая в свои ряды лиц, до этого никакого отношения к ВК не имевших, она, оппозиция, увеличивает свои ряды. Но мы не можем считать вольными казаками людей, которые начали интересоваться нашим движением только с того времени, когда им представилась возможность бороться с ним. До этого же времени они не знали нас, а мы не знали их. Читатели легко сообразят и сами, что таким путем весьма легко могли бы попасть в наши ряды и прямые противники ВК освободительного движения.

Во Франции

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г. Г-н Редактор!

Не откажите в любезности поместить в уважаемом Вашем журнале нижеследующее:

В ежемесячнике, под громким названием «Казачий Набат», за май месяц № 1 (21), в отделе: «Чапчиков во Франции поднимает дух казаков», помещена редакционная заметка о докладе Г. И. Чапчикова в Ромба.

Для восстановления истины считаем долгом заявить, что Чапчиков не делал доклада в Ромба и что образованный, якобы, здесь казачий младоросский пикет с надеждой на быстрый рост до звена и даже до очага, не соответствует действительности.

В той же заметке говорится о местном казачьем «вредителе» сотнике В. Н. Долгопятове, отколовшем небольшую группу казаков от станицы Доброводской и образовавшим другую под «громким» названием: «Каледино-Карауловская станица», которую признал и утвердил лишь проф. Марков, но покойный Атаман ген. Богаевский отказал в утверждении таковой.

Относительно Доброводской станицы должны заявить, что таковая в Ромба не существует, а следовательно о «вредителях» не может быть и речи.

Станица Доброводская существовала (когда то) в Амневиле, но последние 6-7 лет «пытается существовать» и, состоя главным образом из не казаков, за исключением 8-9 человек, продолжает принимать в свои ряды «казаков» Вятской и Рязанской губерний.

Каледино-Карауловская станица образовалась из казаков, живущих в Ромба, и части живущих в Амневиле и не входивших ни в какую организацию.

Станица и устав ее утверждены французскими властями, а посему какое либо иное утверждение совершенно излишне, да и не соответствовало бы духу устава и общему желанию казаков в нее входящих.

Покойному Атаману ген. Богаевскому сообщалось об образовании станицы как о факте совершившемся, а о проф. Маркове никто и не подумал.

Чем же можно об'яснить такую неприязнь г-на Чапчикова к станице Каледино-Карауловской и ее руководителям?

Конечно, можно симпатизировать той или другой организации, но искажать истину — прием не красивый. Сделав доклад в Париже, нельзя писать или говорить, что он был сделан в Лионе. Следовательно, сделав доклад в Амневиле, не следует приписывать его Ромба.

Казаку-офицеру ложь не к лицу!...

Примите уверение в совершенном к Вам почтении.

Правление Каледино - Карауловской общеказачьей станицы в Ромба.

3-го июня 1935 года.

На Д.-Востоке

В ХАРБИНЕ

Письмо в Редакцию «ВК».

М. Г. Господин Редактор!

Не откажите в любезности, поместите настоящее письмо на страницах журнала «ВК».

Обще-казачья станица в Маньчжу-го об'единяет казаков Донских, Кубанских, Терских и др. Выборы Донского Атамана являются для Донцов вопросом очень важным и поэтому Донцы здесь все время зорко следили за полемикой в печати о выборах Атамана и, наконец, убедились, что с этими выборами дело обстоит совсем не ладно.

Прежде всего на Д. Востоке назначенные на 26 мая с. г. выборы поручены чуждому для Дона лицу — ген. Сычеву, который здесь, среди донцов, считается врагом Казачества, ибо он все время ведет не казачью работу и казаков превращает в русских людей, а главное, ген. Сычев все время жил в С. Петербурге и казачьим вопросом раньше совсем не интересовался, утратил всякую связь с Казачеством и только революция понудила его возвратиться в Войско с целью спасти свою шкуру.

Кто же ему — ген. Сычеву поручил проводить эти выборы?

Кроме того, нас поражает и еще одно обстоятельство, а именно: по какому праву **три** генерала (Граббе, Черячукин и Попов) значатся кандидатами в Атаманы? Кто и когда их назначил? Мы, казаки никак не можем верить, чтобы их выдвинули казаки проживающие в Европе, вероятно они сами себя выдвинули. Неужели же среди такого старого и большого Войска не нашлось в Атаманы настоящего казака?

В виду вышеизложенного, Обще-казачья станица в Маньчжу-го настоящим заявляет, что она никакого участия в выборах Атамана не принимала и считает, что эти выборы есть дело казачьего дворянства, которое до настоящего времени казаков считает «ниже себя». Если кого и «выберут», то не будем считать его Атаманом.

Атаман станицы **А. Грецев**

14 мая 1935 г. Харбин.

РОЗЫСК.

Казак кубанец **Алексей Ал. Межевикин** просит своего родного сына **Тимофея** инженера, проживавшего в Чехии, отозваться по адресу: Jugoslavie. Нови Сад, поручника Радницког бр. 11.

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Imp. « Coopérative Etoile » 17, rue de la Comète, Paris. - VIIe La Gérante: A. Laizé.

К международному положению

Как известно уже из газет, речь Германского канцлера встречена советской прессой весьма недружелюбно. «Молот» 23 мая окрестил ее, как «антисоветскую реч». Правильнее было бы охарактеризовать ее, как антибольшевицкую. Для подтверждения этого положения приводим ниже ту часть речи, которая касается именно большевиков, в передаче Берлинской газеты «Новое Слово» (см. № 21 от 26 мая). Там читаем:

...«Сегодняшняя Германия — национал - социалистиическое государство. Мир идей, владеющих нами, диаметрально противоположен господствующему в советской России.

Национал-социализм — ученье, распространяющееся только на германский народ. Большевизм же подчеркивает свою международную миссию.

Мы, национал-социалисты, полагаем, что человек может быть счастлив только в своем народе. Мы уверены, что счастье и достижения Европы неразрывно связаны с существованием системы независимых, свободных, национальных государств. Большевизм же проповедует образование мирового государства и признает только секции одного центрального интернационала.

Мы, национал - социалисты, считаем, что каждый народ имеет право на свою внутренюю жизнь, личные потребности и самобытность. Большевизм же создал доктрины, которые по его утверждению должны быть восприняты всеми народами, вне зависимости от их национальных особенностей и традиций.

Национал - социализм разрешает общественные проблемы, вопросы в своей нации теми методами, которые тесно связаны с нашими общечеловеческими, духовными, культурными и хозяйственными понятиями. традициями и условиями.

Большевизм же проповедует интернациональную классовую борьбу, мировую революцию с оружием, террором и насилием.

Национал-социализм борется за преодоление и последовательное выравнение жизненных противоречий и за принятие всеми участия в общей работе.

Большевизм же призывает к преодолению господства одного класса путем диктатуры насилия другого класса.

Национал-социализм не придает никакого значения теоретическому господству рабочего класса, но, тем большее внимание обращает он на практическое улучшение условий жизни рабочих.

Большевизм борется за теорию и, во время этой борьбы, приносит в жертву миллионы человеческих жизней и неисчислимые ценности традиционной культуры и достигает только очень низкого, по сравнению с нами, уровня жизни.

Как национал-социалисты, мы преисполнены удивления и уважения перед великими достижениями прошлого, не только нашего собственного народа, но также и других. Мы счастливы своей принадлежностью к европейской культуре, которая в столь больших размерах наложила печать своего духа на нынешний мир.

Большевизм же отрицает всякие культурные достижения человечества и утверждает, что начало подлинной культуры человеческой истории идет только с года рождения марксизма.

Мы, национал-социалисты, быть может, в том или ином организационном вопросе не разделяем мнения наших церковных организаций, но мы никогда не потерпим безбожничества и не допустим превращения наших церквей в клубы или кино.

Большевизм же проповедует безбожничество и действует в соответствии со своим ученьем.

Мы, национал-социалисты, видим в частной собственности высшую ступень человеческого хозяйственного развития.

Большевизм же уничтожает не только частную собственность, но и личную инициативу и чувство ответственности. Поэтому в России — в самом большом сельско - хозяйственном государстве мира — нельзя было спасти миллионы людей от голодной смерти.

Как мы, национал-социалисты, так и большевики убеждены в том, что между нами лежит пропасть, через которую «никогда нельзя будет перебросить мост»...

— Как передает то же «Н. С.» (см. № 22 от 2 июня) сами большевики не строят никаких иллюзий, что касается их взаимоотношений с Германией и вообще с теми государствами, которых они, одних по праву, а других не по праву, называют фашистскими. Газета приводит следующие две выдержки из речей большевицких главарей:

«Еще в марте, на заседании совета, Радек заявил: «Наши австрийские товарищи не должны забывать, что их работа чрезвычайно важна в данный момент, ибо мы полагаем, что весьма скоро Австрия станет театром борьбы между Гитлером и Муссолини. Революционные силы в Австрии должны быть достаточны, чтобы нанести удар в спину фашизму и затем перенести борьбу во все немецкие страны».

Еще более определнно высказался другой оратор: «В настоящий момент советский союз находится в наиболее грозном с момента его рождения положении. Гитлеровский фашизм подготовляет коалицию четырех государств (Германия, Польша Финляндия, Япония), цель которой заключается в организации наступления на союз и уничтожении первого в мире рабочего государства. Единственное спасение для нас состоит в столкновении двух наиболее опасных для коммунизма врагов: Берлина и Рима. Таким путем Германия — инициатор всех антисоветских союзов — будет ослаблена»...

— Свою ситуацию большевики, конечно, видят лучше, чем кто бы то ни был. Но вряд ли так уж бесспорна оценка, даваемая ими взаимоотношениями различных европейских государств. А что касается того, кто и против кого подготовляет какую коалицию, то в этом вопросе мнения значительно расходятся и не меньше есть голосов таких, какие предостерегают мир как раз от коалиций, создаваемых товарищем Литвиновым.

В последнее время, напр., в международной печати появились известия, что большевики уже приступили к постройке авиационных баз в одном из среднеевропейских государств и заключили договор с другим государством относительно переброски через его территорию красных войск (т. к. Польша решительно воспротивилась пропуску советских армий через свою территорию). Парижское «Украинское Слово» (см. номер от 2 июня) называет даже цифру строющихся аэродромов и добавляет:

«Таким способом создается московская база в средней Европе против Германии. Но одновременно база эта будет угрожать не только Германии, но и всей Европе, если принять во внимание, что Москва может вытащить снова из архива свои планы мировой революции»...

Несомненно, что нынешняя ситуация Европы не представляется в слишком розовом свете. Но, Германо-Польские отношения, Англо-Германские переговоры и смягчение Германо - Итальянских взаимоотношений свидетельствуют о том, что соглашение европейских государств возможно. Позиция Франции выяснится, очевидно, окончательно после министерского кризиса. Во всяком случае, мы думаем, что и Франция, в конце концов, не оправдает надежд, возлагаемых на нее в последнее время в Москве, и Европа, если уж и не создаст антисоветской коалиции, то отвергнет и те коалиции, какие не прочь была бы создать в ней или с ней Москва для службы себе и красному интернационалу.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)